



# СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

С Б О Р Н И К    Н А У Ч Н Ы Х    Т Р У Д О В

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ  
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Г. БЕЛГОРОД

**30 ЯНВАРЯ 2026**

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ  
(АПНИ)

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ  
В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ:  
ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Сборник научных трудов

по материалам  
Международной научно-практической конференции  
г. Белгород, 30 января 2026 г.

Белгород  
2026

УДК 001  
ББК 72  
С 69

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:  
**apni.ru**

#### Редакционная коллегия

*Духно Н.А.*, д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАЕ (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибоев Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

С 69      **Социально-гуманитарные исследования в эпоху цифровых трансформаций: вызовы и возможности** : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 января 2026 г. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2026. – 90 с.

ISBN 978-5-4747-7968-3

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Социально-гуманитарные исследования в эпоху цифровых трансформаций: вызовы и возможности», состоявшейся 30 января 2026 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секций, посвященных вопросам гуманитарных наук.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли экспертную оценку членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001  
ББК 72

© ООО АПНИ, 2026  
© Коллектив авторов, 2026

## СОДЕРЖАНИЕ

### СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

- Азизова М.М.**  
РОЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ  
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ..... 5
- Гафурзода З., Зохидова Н.А.**  
К ВОПРОСУ О СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ, СОДЕРЖАЩИХ  
ПРИДАТОЧНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ  
ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ..... 13
- Кодирова М.**  
ПЕРЕВОД ПРОИЗВЕДЕНИЙ АБУАБДУЛЛОХА РУДАКИ В  
ИССЛЕДОВАНИИ ЭДВАРДА ГРАНВИЛЛА БРАУНА ..... 19
- Шарикова А.Д.**  
ЯВЛЕНИЕ «СЛОВА ГОДА», МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ВЛИЯНИЕ, ПУТИ И  
СПОСОБЫ ИХ АДАПТАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ..... 24

### СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»

- Иванов И.А., Попович Н.П.**  
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ИМПУЛЬСНЫХ ДЕТОНАЦИОННЫХ  
ДВИГАТЕЛЕЙ ..... 30

### СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

- Батиевская Г.С.**  
ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА  
В РАБОТЕ С ОБУЧАЮЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖЬЮ..... 34
- Ли Чи**  
ОТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ К НАЦИОНАЛЬНЫМ  
ДЕЙСТВИЯМ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ  
РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ РАМОЧНОЙ ПРОГРАММЫ ПО  
БИОРАЗНООБРАЗИЮ (GBF) В КИТАЕ ..... 39
- Фатхутдинов А.Р.**  
ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ  
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ..... 43
- Чувашина Т.В.**  
ФОРМИРОВАНИЕ HR-БРЕНДА ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ФАКТОР  
СТРАТЕГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ  
ТРАНСФОРМАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА  
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ..... 49

## СЕКЦИЯ «ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ»

<b>Вифлянцева Е.А.</b> УБЕЖДЕНИЕ КАК ВЕДУЩИЙ СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЧНОСТЬ.....	55
<b>Воронова Е.С.</b> СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ УСТОЙЧИВОГО ИНТЕРЕСА УЧАЩИХСЯ К ПРЕДМЕТУ ИНФОРМАТИКА.....	59
<b>Галкина С.С., Гребенькова О.В.</b> НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ МЕЛКОЙ МОТОРИКИ У ДЕТЕЙ С УМЕРЕННОЙ, ТЯЖЁЛОЙ И ГЛУБОКОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ (ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ), ТЯЖЁЛЫМИ И МНОЖЕСТВЕННЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ .....	63
<b>Головаш В.Н.</b> САМООЦЕНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ С РАЗНОЙ МОТИВАЦИЕЙ УЧЕНИЯ .....	71
<b>Чикова Н.В.</b> ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В СОЗНАНИИ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ.....	76

## СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

### РОЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

**Азизова Махинахон Мансуровна**

соискатель учёной степени кафедры социальной и профессиональной педагогики, Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова, Республика Таджикистан, г. Худжанд

***Аннотация.** Целью проведения этого исследования является анализ широких возможностей развития коммуникативной компетенции в обучении иностранному языку. В результате исследования был разработан методический модуль, состоящий из различных упражнений, которые показывают наибольшую успеваемость в обучении дифференцированными аспектами коммуникативной компетенции.*

***Ключевые слова:** коммуникативная компетенция, знание иностранного языка, образование, педагогика, лингвистическая компетенция.*

#### **Введение**

Обладанием навыками коммуникации является важная особенность, которое характеризует каждую личность человека. В рамках сферы педагогической деятельности такая традиционная практика обучению иностранного языка и полное формирование лингвистической компетенции невозможны без изучения коммуникативной компетенции в сфере обучения. Также присвоена изучать необходимость формирования и развития навыков коммуникативного взаимодействия у студентов. В этом проявляется **актуальность** данного исследования.

**Целью** данной статьи является – анализ широких и современных возможностей развития коммуникативной компетенции в обучении иностранному языку.

Основными задачами вышеуказанных целей ставит перед собой такие решения, как: раскрытие особенностей коммуникативной компетенции и ее структуры; выявление и анализ наиболее значимых для обучения иностранному языку методов и характеристик коммуникативной компетенции; создание и изучение комплекса упражнений, направленного на формирование и

развитие коммуникативной компетенции в качестве задачи, определяющей **практическую значимость** данной статьи.

**Методика исследования.** Для того чтобы решить данные задачи, использовались такие методы, как: метод дедукции, метод контент-анализа, метод обобщения (включивший в себя положительный передовой опыт) и системный подход к изучению теоретических источников.

**Результаты исследования.** Целью теоретической базы этой статьи являлись труды таких, ученых как: Э. Ортикова [1] и Н. Е. Буланкина, Н. В. Максимова [2], которые рассматривали преподавание английского языка с точки зрения методики, затрагивая теоретические аспекты коммуникации. Также были использованы труды М. А. Буйнова [3], И. Р. Агасиева, А. М. Исмаилова [4], С. В. Буйнова [5] и М. И. Александрова [6], посвященные развитию отдельных навыков с позиции коммуникативного подхода к обучению иностранному языку.

Современное коммуникативное и педагогическое обучение в качестве важнейшей методической цели рассматривает необходимость формирования у обучающихся коммуникативной компетенции, благодаря которой в будущем возможно использовать устную и письменную речь на иностранном языке в различных сферах. Сам термин «коммуникативная компетенция» по своей сущности обозначает возможность учащегося воспринимать любое утверждение и готовность создавать собственные речевые конструкции и мысли на основе знаний и умений, личностных качеств, практического и теоретического опыта, вербальных и невербальных средств, принятых норм языка с учетом темы, цели, задачи, обстановки, пространства, коммуникативных и этических установок и т.д.

Первые попытки, направленные на то, чтобы четко организовать коммуникативные и когнитивные умения, были предприняты еще в 1970-е годы, когда начинается становление и развитие концепции формирования у обучающихся коммуникативной компетенции. В последующем идеи формирования коммуникативной компетенции получают довольно широкое распространение

по мере того, как среди педагогов утверждается мнение о необходимости ориентации в обучении иностранным языкам на практический результат или на способность к межкультурной коммуникации [3].

Необходимость формирования коммуникативной компетенции на современном этапе образования на сегодняшний день рассматривается как одна из наиболее важных целей обучения иностранному языку, что связано с удовлетворением потребности общества в развитых поликультурных личностях, способных вести продуктивный диалог культур в условиях поликультурной среды. Помимо этого, иностранный язык в наше время должен способствовать решению конкретных образовательных задач, например, углубление знаний обучающихся при помощи понимания информации на иностранном языке целиком и полностью, но при этом осуществляется функционирование основных компонентов коммуникативной компетенции.

Все компоненты коммуникативной компетенции основываются на основных ее составляющих компонентах: лингвистическом (знание лексики, грамматики, фонетики и умение применять данные задачи); социолингвистическом (использование иностранного языка в соответствующих социокультурных условиях); прагматическом (порождение речевых актов с реализацией коммуникативной функции).

Можно сделать вывод, что при изучении английского языка именно коммуникативная компетенция позволяет студентам не только успешно общаться и понимать всякие задачи и примеры на английском языке, но и научиться использовать полученные знания в практической деятельности в будущем. Отметим, что в коммуникативную компетенцию входит несколько аспектов: чтение, понимание и создание текстов разных типов (повествовательных, описательных, рассудительных); знание правил использования иностранного языка в соответствии с поставленными целями; поддержание разговора с собеседником; знание особенностей изменения языковых средств в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией.

Значимым дополнением к коммуникативной компетенции выступает межкультурная компетенция, благодаря которой между носителями разных языков и разных культур повышается уровень межличностного общения. Процесс овладения межкультурной компетенцией, согласно М. Рамирес-Монтойя, представляется так: «savoir-être: изменение отношения к чужой культуре, savoirs-faire: приобретение новых концепций чужой культуры, savoir-faire: умение действовать в новой чужой культуре, savoir-apprendre: способность узнать другую культуру» [1]. Следовательно, основным фундаментом коммуникативной компетенции является не только концепция языка, но концепция культуры. Выделенные нами компетенции, формирование которых предусматривается в рамках обучения английскому языку, в значительной степени способствуют развитию у студентов навыков эффективного межкультурного общения.

Что дает это? – возможность свободного общения с носителями английского языка и культуры, который английский язык является родным, предполагает соответствующее, адекватное конкретной ситуации, применение языка, всех языковых норм, а также вербальных и невербальных средств, способствующих коммуникации. Для приобретения межкультурной компетенции высокого уровня студентам необходимо в процессе обучения английскому языку соприкоснуться с культурными ценностями и традициями, получить социокультурные знания об английской культуре, но при этом развивать понимание о собственной культуре и традиции родной земли.

Студент может учиться в России или в Таджикистане, в российской или таджикской культурной среде, но при этом изучать английский язык, узнать об их культурах и традициях, об историях и ценностях. Однако при нахождении в иноязычной среде студенту необходимо проникнуться другой культурой, интегрироваться в жизнь местного населения, привыкая к его поведению и характеру, манеру общения и прочее. Новые аспекты языковой картины мира, изменившийся контекст, трудно интерпретируемые новые перцептивные стимулы требуют от студента иного коммуникативного поведения, иных средств

выражения, в наибольшей степени соответствующих ситуации. Именно более глубокая адаптация к контексту и лингвистическая правильность составляют «ядро» коммуникативной компетенции. Определенное коммуникативное поведение, сравнение культур, межличностное общение в контексте иноязычной культуры составляют фундамент межкультурной компетенции [9].

Приобретение межкультурной коммуникации согласно результатам современных исследований, предметом которых выступает преподавание иностранного языка, предусматривает в образовательном процессе три основных этапа, содержание которых представлено в таблице.

Таблица

**Содержание этапов приобретения межкультурной коммуникации**

<b>Наименование этапа</b>	<b>Содержание этапа</b>
Монокультурный	Наблюдение студентов за иноязычной культурой, интерпретируя родную культуру
Межкультурный	Всестороннее сравнение иноязычной и родной культуры
Транскультурный	Овладение студентом навыка непроизвольного посредника между иноязычной и родной культурами

В качестве эффективного средства развития речевой деятельности общепризнана художественная литература, несмотря на то что она выступает как один из видов искусства. Главной целью любого художественного текста является раскрытие замысла его автора, а основная задача состоит в том, чтобы донести этот замысел до читателя при помощи всего многообразия используемых в тексте языковых средств [3, с. 119]. А.П. Старковым, Л.М. Ивановой, Е.И. Пассовым, глубоко исследовавшими систематизацию текстов, выделены поэтические и прозаические разновидности художественного текста. В образовательном процессе при обучении иностранному языку, на наш взгляд, целесообразнее всего использование прозаических текстов, которые, в свою очередь, делятся на классическую и орнаментальную прозу.

Можно сделать вывод, что тексты художественной литературы способны выступать в качестве одного из средств формирования коммуникативной компетенции обучающихся иностранному языку. Преподавателю при этом следует учитывать два основных условия, направленных на повышение

эффективности использования таких текстов: правильный выбор текстового материала и соответствующее построение учебного процесса. Выбор художественного текста осуществляется на основе четырех правил: небольшой объем текста, предлагаемого к прочтению учениками на уроке, включая главы или отрывки произведения; полное соответствие текста, направленного на обогащение словарного запаса и речь обучающихся, речевым темам в рамках реализуемой образовательной программы; наличие познавательной и воспитательной значимости у художественного произведения в целом; наличие проблемы в художественном тексте как произведении или части произведения, предусматривающей множество различных, в том числе противоречивых, точек зрения и необходимость личностной оценки [4, с. 80].

Для эффективного освоения навыков чтения на английском языке необходимо обеспечить на занятиях ряд условий. К ним относятся: подбор интересных и увлекательных текстов и игр, способных вызвать у учащихся познавательный интерес; выбор художественных материалов, содержащих понятные и посильные для их уровня владения иностранным языком; а также сопровождение некоторых упражнений, включающей в себя обязательные аннотации, комментарии и рекомендации [5, с. 43].

Исследователями, занимающимися вопросами эффективного обучения иностранному языку, выделены четыре основных этапа работы с художественными текстами на уроках английского языка: работа над лексикой – Vocabulary work; понимание текста – Comprehension; письмо – Writing; рассуждение на тему – Discussion.

Результативность работы с текстами на английском языке будет намного выше при соблюдении последовательности следующих этапов: пред текстовый (или дотекстовый) этап предполагает выполнение таких упражнений, которые позволяют снять языковые или смысловые трудности у обучающихся. Например:

1. Read the title of the text. What is the text about?
2. Give the title to each paragraph.

На текстовом этапе преподаватель оценивает умение обучающихся понимать содержание прочитанного, выделять тему, основную мысль и проблематику текста, одновременно формируя у них навыки всесторонней работы с информацией. Для выполнения задач данного этапа могут быть использованы следующие виды заданий:

1. Mark the sentences as true or false.
2. Put the words into the brackets and to complete the sentences.
3. Find the synonyms of the given words.

Послетекстовый этап направлен на обобщение всей полученной обучающимися из текста информации, например, при помощи дискуссии:

1. What is your favourite character and why?
2. Can you understand all the characters?

Завершающим этапом работы над текстом художественного произведения может стать проектная или же групповая работа. Например, преподаватель может предложить обучающимся выучить пьесу или же какой-нибудь стих на английском языке. Студенты могут самостоятельно подготовить стенгазету или же коллаж, где вся информация должна соответствовать пройденной теме.

**Итоговые выводы.** Таким образом, только при использовании в обучении иностранному языку комплексного подхода, включающего в себя применение всех выделенных нами современной технологии обучения, возможно эффективное развитие познавательных процессов, интеллектуальной и личностной активности учеников, что в результате позволит сформировать коммуникативную и межкультурную компетенцию требуемого уровня.

В процессе формирования коммуникативной компетенции важно уделять внимание глубокому учёту контекста и соблюдению языковых норм. При развитии межкультурной компетенции акцент переносится на особенности коммуникативного поведения, сопоставление культур и межличностное взаимодействие в условиях иной культурной среды. Оба подхода – коммуникативный и межкультурный – предполагают необходимость разработки и применения мероприятий, максимально адаптированных к учебному процессу и

направленных на осмысленное и практическое освоение иностранного языка студентами.

Культура занимает ключевое место в изучении иностранного языка, независимо от того, в каком контексте она проявляется. Достичь более высокой эффективности обучения возможно лишь при интеграции языка и культуры, поскольку их объединение делает процесс обучения более содержательным и достоверным – подобно тому, как родной язык усваивается через естественное погружение в собственную культурную среду.

### Литература

1. Ортикова Э. Развитие коммуникативной компетентности в обучении иностранного языка для профессиональных целей // Журнал иностранных языков и лингвистики. – 2022. – № 4(1)
2. Буланкина Н. Е., Максимова Н. В. Коммуникативная парадигма языкового образования в инновационном гуманитарном пространстве // Сибирский учитель. – 2017. – № 2. – С. 93–98.
3. Буйнова М. А. Диалог культур на уроке английского языка при изучении темы «Искусство и культура» // Язык и коммуникация в контексте культуры. – 2019. – С. 26-31.
4. Агасиева И. Р., Исмаилова А. М. Двойная роль преподавателя иностранных языков в контрасте со стратегиями изучения языка // Мир университетской науки: культура, образование. – 2018. – № 9. – С. 121-124.
5. Буйнова С. В. Организация диалога культур на уроке иностранного языка с использованием социокультурных реалий региона // Актуальные проблемы гуманитарных наук глазами молодежи. – 2020. – С. 25-29.
6. Александрова М. И. Диалогичный текст как форма социокультурного взаимодействия // Язык и культура: межкультурная антропология. – 2017. – С. 54-56.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Ленанд, 2019. – 144 с.
8. Жеребченко Н.Г., Русинкевич А.П., Скородед О.Ю. Внедрение коммуникативного подхода в обучении аудированию на уроках английского языка // Актуальные вопросы развития профессионализма педагогов в современных условиях. – 2018. – № 3. – С. 63-79.
9. Свиренко Ж.С. Роль аудирования как вида учебной деятельности в формировании коммуникативной компетенции студентов // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2019. – С. 267-269.
10. Тимофеева Т.В., Мартынова А.С. Неподготовленное устное высказывание как попытка объединения традиционного и естественного подхода к преподаванию иностранного языка в ВУЗе // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 3-(117). – С. 96-99.
11. Улугбекова Г.И., Мещерякова Е.В. Обучение аудированию в русле коммуникативной методики // ArtiumMagister. – 2020. – № 1. – С. 41-46.

## К ВОПРОСУ О СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ, СОДЕРЖАЩИХ ПРИДАТОЧНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

**Гафурзода Зебохон**

к.ф.н., старший преподаватель,  
Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова, Республика Таджикистан, г. Худжанд

**Зохидова Нилуфар Абдумаликовна**

магистрант, Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова, Республика Таджикистан, г. Худжанд

***Аннотация.** Данная статья посвящена вопросу о сложных предложениях, содержащих придаточные обстоятельственные предложения времени, в английском и таджикском языках.*

***Ключевые слова:** сложные предложения, придаточные обстоятельственные предложения времени, английский и таджикский языки.*

Чумлаи мураккаб воҳиди калонтарини синтаксис аст, ки аз ду ва зиёда чумлаҳои сода ташкил ёфтааст ва дорои ягонагии маъно, сохт ва оҳанг мебошад. Чумлаи мураккаб монанди чумлаи сода воситаи ахбор буда, барои ташкил додан, ифода намудан ва фаҳмидани фикр хизмат мекунад. Чумлаи мураккаб идроки мураккабтари ҳастӣ, тасаввуроту робитаҳои мураккабтари байни ҳодисаҳои он буда, ба давраҳои нисбатан инкишофёфтаи ҷамъият, забон ва тафаккури инсон вобастагӣ дорад. Чумлаҳои мураккаб аз рӯи муносибати маъноӣ ва грамматикӣ чумлаҳои содаи таркиби худ ба ду гурӯҳи калон ҷудо мешаванд: чумлаҳои мураккаби пайваст ва чумлаҳои мураккаби тобеъ.

Чумлаҳои мураккаби тобеъ аз чумлаҳои мураккаби пайваст ба кулӣ фарқ мекунанд. Дар чумлаҳои мураккаби пайваст чумлаҳои сода мустақилии худро то як андоза нигоҳ дошта метавонанд. Дар чумлаҳои мураккаби тобеъ бошад, чумлаҳои пайрав ба сарчумлаҳо тобеъ гашта, асосан, мустақилии худро гум карда, сарчумлаҳоро аз ягон ҷиҳат (замон, макон, сабаб, мақсад, шарт, натиҷа ва ғайра) шарҳу эзоҳ медиҳанд [2, с. 212].

Дар чумлаҳои мураккаби тобеъ ҳамеша яке аз чумлаҳои сода ба дигаре тобеъ мешавад. Чумлаи содаи тобеъро чумлаи пайрав (subordinate clause),

чумлаи содаи тобеъкунандаро сарчумла (main clause) меноманд. «Сараъзо» ва «аъзои пайрав» дар ин чо шартан номгузорӣ карда шудаанд, чунки ҳамин хел сохторҳо мавҷуд ҳастанд, ки дар онҳо «сараъзо» ҳамчун аъзои чумла не, балки чун компоненти вай шуда меояд. Дар сарчумла ва чумлаи пайрав мутобиқати муайяни шаклҳои феълӣ-хабарӣ ба амал меояд. Ин мутобиқати шаклҳои феълӣ-хабарӣ ба чумла тобишҳои гуногуни маъноӣ дода, ба ин шаклҳои феълӣ-хабарҳои сарчумла ва чумлаи пайрав як вобастагӣ ба вучуд меорад [3, с. 40]. Сарчумла нисбат ба чумлаи пайрав аз ҷиҳати созмон мустақил бошад ҳам, баъзан ба чумлаи пайрав маъноӣ пурра дода наметавонад, ки ин ҳам ба якдигар вобастагии сарчумлаю чумлаи пайравро далолат мекунад. Чунончи, дар мисоли зерин сарчумла аз ҷиҳати маъноӣ хеле ноқисбуда, чумлаи пайрав мазмуни онро пурра мекунад [1, с. 237]: What he learnt was that they had never arrived. (Ch. Bronte, p.53) – Маълум шуд, ки ҳавлии ӯ нисбат ба ҳавлии ман аз тӯйхона дуртар будааст (С.Айнӣ, с.127).

Дар мисоли зерин ба чумлаи пайрави пуркунанда мазмуни чумлаи ноқис мебарояд: Ба дили худ мегуфтам, ки ман бояд ҳар илмро омӯзам... (Айнӣ, с.49).

Ҳамин тавр, дараҷаи вобастагии сарчумла ва чумлаҳои пайрав гуногун аст. Байни сарчумла ва чумлаҳои пайраве, ки ягон аъзои сарчумларо эзоҳ медиҳанд, назар ба он чумлаҳои пайраве, ки тамоми сарчумларо эзоҳ медиҳанд, вобастагӣ бештар мушоҳида карда мешавад, чунки онҳо бо як аъзои сарчумла алоқаманд буда, аксари чунин чумлаҳои пайрав ба ибораҳои феълӣ-бармегарданд ва ягон аъзои чумлаи сода шуда метавонанд [2, с.76].

Чумлаҳои пайрави ҳол, ки онро англисшиносон бо истилоҳи Adverbial Clauses номгирӣ мекунанд аз рӯи маъноӣ гуногун алоҳида ва хеле калони чумлаҳои пайравро ташкил намуда, мисли ҳолшарҳкунанда барои шарҳи вазъиятҳои гуногуни воқеъ шудани амали сарчумла ё ягон чумлаи пайрави дигар хизмат мекунанд.

Чумлаҳои пайрави ҳол танҳо бо муносибатҳои берунии ҳолат, яъне замон, макон, сабаб, натиҷа, мақсад, шарт, хилоф ва муқоиса кор фармуда мешаванд.

Аз ҳамин сабаб дар муносибат бо сарчумла ба чумлаи пайрави ҳол му-  
стақилият хос аст. Дар чумлаҳои мураккаби чумлаи пайрави ҳол дошта  
сарчумларо бо осонӣ фарқ кардан мумкин аст.

As he was returning the box to his waistcoat pocket, a loud bell rang for the  
servants' dinner (Ch. Bronte, p.55).

Чуноне, ки аз мисолҳои дар боло зикршуда бармеояд, бархилофи забони  
тоҷикӣ, дар забони англисӣ чумлаи пайрави замон ҳам пеш аз сарчумла ва ҳам  
пас аз он омада метавонад.

As dark night drew on, the sea roughened (Ch. Bronte, p.81). A loud bell was  
ringing, when I again unclosed my eyes (Ch. Bronte, p.77).

Дар забони тоҷикӣ бошад, чумлаи пайрави замон фақат пеш аз сарчумла  
меояд.

Вақте маротибаи дигар чашм кушодам, садои баланди ноқус ба гӯшам  
расид (Ш.Бронте с.46). Ҳангоме ӯ тамокудонашро ба кисаи пичак мегузошт,  
зангулае ки хидматгоронро барои хӯроки чошт мехонд, садо дод (Ш.Бронте,  
с.21).

Дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ воситаи асосии алоқаи чумлаи пайрави  
замон бо сарчумла пайвандак ба шумор меравад. Чумлаҳои пайрави ҳоли за-  
мон дар забони англисӣ бо воситаи пайвандакҳои хело зиёд сохта мешавад:  
when, w h e n e v e r, a f t e r, w h i l e, n o w t h a t, a s, a s l o n g a s, a s s o o n a  
s, b e f o r e, t i l l, u n t i l l, s i n c e ва ҳоказо.

Дар забони тоҷикӣ бошад чумлаи пайрави замон ба сарчумла бо пай-  
вандакҳои зерин тобеъ мешавад: ки, чун (чу), то, то ки, то он ки, то ба оне ки,  
вақте ки (вақто ки), ҳангоме ки, замоне ки, гоҳе (гаҳе) ки, дамеки, дар вақте  
ки, дар даме ки, ба вақте ки, аз вақте ки, аз бозе ки, то вақте ки, то даме ки, то  
замоне ки, ҳамин ки, пас аз он ки, пеш аз он ки, п е ш т а р а з он ки, қабл аз он  
ки, баъд аз он ки,) баъде ки, баъди ин ки, баъди он ки, баробари ин ки ва ғайра  
[1, с. 133].

1) Пайвандаки аз ҳама маъмул – ин вожаи «**when**» аст. Он муодили пай-  
вандаки «**вақте ки**» – и забони тоҷикӣ мебошад: When I heard this, I was

beginning to feel a strange chill and failing at the heart (Ch.Bronte, p.192). Вақте ки инро шунидам, сардие вучудамро фаро гирифт, дилам аз кафаси сина лағжид (Ш. Бронте, с.158).

2) Пайвандаки «**before**» – «пеш аз он ки»:

Before the ladies leave the dinner-table, choose your seat in any quite nook you like (Ch.Bronte, p.112). Пеш аз он, ки хонумон аз паси мизҳои таомхурӣ бархезанд, барои худ дар меҳмонхона ягон ғӯша интихоб кунед (Ш. Бронте, с.165).

3) Пайвандаки «**after**» низ ҷумлаи пайрави замонро бо сарҷумла робитамаанд месозад. Ин пайвандак ба забони тоҷикӣ «**баъд аз он ки**» мебошад: After they had wondered for a long time, they halted. (Ch.Bronte,p.112) – Баъд аз он ки муддати дароз саргардон шуданд, онҳодар ҷо қарор гирифтанд (Ш.Бронте, с.94).

4) Пайвандаки «**while**» низ барои бо сарҷумла алоқаманд кардани ҷумлаи пайрави замон хизмат мекунад. Он ба забони тоҷикӣ бо пайвандаки «**вақте ки**» ифода карда мешавад: You must go into the drawing-room while it is empty (Ch.Bronte, p.199) – Шумо ба меҳмонхона равед, вақте ки он ҷо ҳеҷ кас нест (Ш. Бронте, с.165).

Дар ҷумлаҳои мураккаби тобеъ пайвандакҳо инчунин метавонанд муносибатҳои замонири ифода кунанд. Дар мисолҳои таҳти рақамҳои як ва чор омада пайвандакҳои «**when**» ва «**while**» ҳамзамонии амали ҷумлаи пайравро бо амали сарҷумла ифода мекунад. Дар ҷумлаҳои таҳти рақами се пайвандаки тобеъкунандаи «**after**» қабл аз амали сарҷумла ба вуқӯъ омадани амали ҷумлаи пайравро нишон медиҳад. Аммо дар ҷумлаи дуум, пайвандаки «**before**» анҷоми амали сарҷумларо нишон медиҳад.

Муносибатҳои замонири низ, пеш аз ҳама, бо пайвандакҳои тобеъкунанда ифода мешаванд, аммо аксари пайвандакҳо муносибатҳои гуногуни ҳамзамонӣ ва пайҳамзамонии онҳоро нишон дода наметавонанд. Замонҳо ва намуди мутлақу давомнокии феъл он муносибатҳои замонири боз ҳам равшантар менамоянд. Ҷумлаи пайрави замон яке аз воситаи асосӣ ва равшану возеҳ ифода

намудани муносибатҳои замони махсуб меёбад. Чумлаи мураккаби тобеъ бо чумлаи пайрави замон имкониятҳои васеи ифодаи муносибатҳои ҳамзамони ва гуногунзамони дорад. Амалҳои сарчумла ва чумлаҳои пайрав дар он вақт муносибати ҳамзамони нишон дода метавонад, ки онҳо (ду ва зиёда аз ду амал ё ҳолат) баробар дар як замони муайян рӯй дода, то як мавриди муайян ба таври параллелӣ давом кунанд.

Амалу ҳолатҳои, ки дар як вақт содир гардида, ба таври параллелӣ баробар дар як замон ба итмом мерасанд, бо ҳамдигар муносибати ҳамзамони кулӣ доранд.

When you read it you realized that you were committing an illegal action? (Voynich, p.84) – Вақте ки шумо рӯзномаро мехондед, оё мефаҳмидед, ки кори ғайриқонунӣ карда истодаед? (Войнич, с.92).

Амалу ҳолатҳои, ки ба таври ғайрипараллелӣ содир шуда, давом меку- нанд ва ба итмом мерасанд, бо якдигар муносибати ҳамзамони ҷузъӣ доранд, яъне амалу ҳолати чумлаи пайрав нотамои буда, амалу ҳолати сарчумла ба ит- мом расидааст.

While talking to you, I have also occasionally watched Ade'le... (Ch.Bronte, p.181) – Бо шумо суҳбат карда, баъзан чашм аз Адел намекамдам... (Ш.Бронте, с.136).

Муносибати гуногунзамони бошад, дар ду навъ муносибати замони – қа- блан ё пайиҳам воқеъ шудани амал зоҳир мешавад. Дар муносибати пайиҳам- замони амалҳо яке пайи дигаре воқеъ мешавад.

When they had left the room, Thomas approached the officer and asked the permission to speak to the prisoner (Voynich, p.53) – Вақте ки онҳо аз хона баро- маданд, Томас назди комада аз ӯ хоҳиш кард, ки барои бо маҳбус гуфтугӯ кар- дан иҷозат диҳад (Войнич, с.53).

Дар муносибати амали қаблӣ бошад, яке аз амалҳо пеш аз амали дигар воқеъ мешавад.

I saw it in your eyes when I first beheld you... (Ch. Bronte, p.196) – Ман инро аз нигоҳхоятон мушоҳида карда будам, вақте ки бори аввал бо шумо вохурдам... (Ш.Бронте, с.148).

Дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ пайвандакҳои тобеъкунанда дар ҷумлаҳои пайрави замон чун воситаи асосии ифодаи муносибатҳои замонӣ хизмат мекунад. Ҷумлаҳои мураккаби тобеъ бо ҷумлаҳои пайрави ҳоли замон дар забонҳои муқоисашаванда дар ифодаи муносибатҳои замонӣ мавқеи муҳим доранд. Дар ҷумлаҳои пайрави замони ҳам забони англисӣ ва ҳам забони тоҷикӣ ҳар ду навъи муносибати замонӣ – ҳамзамонӣ ва гуногунзамонӣ ба назар мерасад.

#### Адабиёт

1. Рустамов Ш., Асророва Р. Грамматика забони адабии ҳозираи тоҷик. Синтаксис, қисми 3. Душанбе, 1989.
2. Рустамов Ш., Каримзода Ч. Забони адабии ҳозираи тоҷик. (Синтаксис) қисми 2. Душанбе 1985.
3. Тоҷиев Д.Т Ҷумлаҳои мураккаби тобеъ дар забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе, 1981.
4. Айнӣ С. Ёддоштҳо. Душанбе, 1990.
5. Бронте Ш. Чейн Эйр ТЧБ. Истиқбол. Душанбе, 2010.
6. Войнич Э.Л Гурмагас. Душанбе «Маориф», 1982.
7. Улуғзода С. Достонҳои Шохнома. Душанбе «Маориф ва фарҳанг», 2011.
8. Bronte Ch. Jane Eyre, M., 1952.
9. Voynich E.L. The Gadfly. Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1954.

# ПЕРЕВОД ПРОИЗВЕДЕНИЙ АБУАБДУЛЛОХА РУДАКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭДВАРДА ГРАНВИЛЛА БРАУНА

**Кодирова Мухаррамхон**

магистрант,

Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова,  
Республика Таджикистан, г. Худжанд

***Аннотация.** В статье рассматривается вклад английского востоковеда Эдварда Гранвилла Брауна в изучение и перевод поэтического наследия Абуабдуллох Рудаки. Обосновывается значение трудов Брауна для становления европейского рудаковедения и рецепции персоязычной поэзии в англоязычном научном пространстве.*

***Ключевые слова:** Рудаки, Эдвард Гранвилл Браун, перевод, востоковедение, доместикация, экспликация.*

## **Муқаддима**

Абӯабдуллоҳ Рӯдакӣ ҳамчун асосгузори адабиёти классикии форсӣ-тоҷикӣ дар таърихи фарҳанги миллӣ ва тамаддуни умумибашарӣ ҷойгоҳи вижа дорад. Мероси ӯ, ҳарчанд то замони мо бештар ба сурати пораҳо расидааст, бо иқтисоди калима, мусиқияти табиӣ ва амиқии эҳсос фарқ мекунад [2; 4]. Аз охири асри XIX таваҷҷуҳи муҳаққиқони аврупоӣ ба мероси адабии форсӣ-тоҷикӣ зиёд шуд. Дар ин раванд, Эдвард Гранвилл Браун ҳамчун намоёндаи барҷастаи шарқшиносии англисӣ нақши калидӣ дорад, зеро ӯ Рӯдакиро ба фазои илмии англозабон ворид намуда, матнҳоро бо тарҷума ва тавзеҳ ҳамроҳ кард [1; 3; 5].

Мақсади мақола – муайян кардани хусусиятҳои тарҷумаи шеърӣ Рӯдакӣ дар таҳқиқоти Браун ва ошкор сохтани тағйироти маъноӣ, образӣ ва услубӣ ҳангоми интиқоли матн аз низоми поэтикии форсӣ-тоҷикӣ ба англисӣ мебошад [1; 6; 7].

Ҷойгоҳи Рӯдакӣ дар низоми таҳқиқоти Браун

Дар «A Literary History of Persia» Браун Рӯдакиро ҳамчун оғозгари суннати шеърӣ классикии форсӣ арзёбӣ намуда, ӯро ба сифати нуқтаи ибтидоии таҳаввули поэзии минбаъда муаррифӣ мекунад [1; 3].

Муҳим он аст, ки Браун матнҳоро танҳо ҳамчун намунаи зебоии сухан намебинад: ӯ онҳоро ба контексти таърихӣ, иҷтимоӣ ва дарбории давраи

Сомониён пайванд медиҳад. Ин равиш ба хонандаи аврупоӣ имконият медиҳад, ки шеърро ҳамчун «факти фарҳанг» ва воситаи таъсири иҷтимоӣ дарк кунад [1; 5].

Тарчума ҳамчун амалияи байнифарҳангӣ дар методологияи Браун

Браун дар тарҷумаи порчаҳо бештар ба баробарии маъноӣ ва «фаҳмопазирии қабулқунанда» таъя мекунад; ин ба стратегияҳои тарҷумаи коммуникативӣ наздик аст, ки дар онҳо ҳадаф интиқоли паём, на такрори шакли поэтикӣ мебошад [7; 6].

Ҳамзамон, фарқи сохтори забонҳо (фонетика, системаи қофия ва ритм, синтаксис) боиси он мегардад, ки мусиқияти асли ва қисми «забони шеъри милли» дар англисӣ пурра барқарор нашавад. Аз ин рӯ, Браун барои ҷуброн аз экспликация, архаизм ва такрор истифода мебарад [1; 6; 7].

Муқоисаи матн ва тарҷумаи қасидаи «Бӯйи ҷӯйи Мӯлиён»

Матни тоҷикӣ:

«Бӯйи ҷӯйи Мӯлиён ояд ҳаме,

Ёди ёри меҳрубон ояд ҳаме».

Тарҷумаи Браун (мазмунан):

«The perfume of Muliyan's stream comes ever to me;

The memory of longed-for friends returns again» [1; 2].

Такрори «ояд ҳаме» дар асл вазифаи ритмикӣ-ҳиссӣ дорад: он ҳаракати давомдори эҳсосро («омада истодан»-и бӯй ва ёд) месозад. Браун ин давомиятро бо *ever/again* нишон медиҳад, аммо равиши грамматикӣ-лаҳнӣ ба равиши лексикӣ табдил ёфта, қисме аз мусиқияти дарунӣ аз даст меравад [1; 4; 6]. Дар сатҳи семантика, «ёри меҳрубон» (алоқаи шахсӣ) дар англисӣ ба «friends» (ҷамъ) майл мекунад. Ин ивазшавӣ рамзи хонданро тағйир медиҳад: лирикаи маҳрамона ба носталгияи иҷтимоӣ ва контексти сиёсӣ (даъвати бозгашт) наздик мешавад [1; 3; 5].

Интиқоли образ: экспликация ва «ҷисмонӣ»-кунии тасвир

Дар байтҳои минбаъдаи қасида, образҳои табиат бо гиперболаҳои классикӣ истифода мешаванд: табиат аз шодӣ «дигар» мешавад, аммо бо иқтисоди

калима ва ишора. Браун ҳамин образҳоро одатан ҷисмонитар мегардонад (soft as silk beneath my feet; waist-high embrace), то барои хонандаи ғарбӣ таъсири визуалӣ ва эҳсосии равшантар диҳад [1; 6]. Ин равиш аз нигоҳи тарҷумашиносӣ ба доместикация/адаптатсияи фарҳангӣ наздик аст: матни қабулқунанда бо кодҳои ҳиссӣ ва риторикӣ худ ғанӣ карда мешавад. Аммо натиҷаи ҷониби дигар – коҳиши «лаҳни шарқӣ»-и ишораи ва боло рафтани дараҷаи драматургия мебошад [6; 7].

Муқоисаи байти ахлоқӣ-фалсафӣ:

«Ҳеч шодӣ нест андар ин ҷаҳон,

Бартар аз дидори рӯйи дӯстон».

Тарҷумаи Браун (мазмунан): «No joy in all the world there is

Higher than seeing friends once more» [1; 2].

«Бартар» дар асл арзёбии аксиологӣ (шиддати ахлоқӣ) дорад. Ифодаи higher than мазмунро нигоҳ медорад, аммо бо иловаи once more Браун унсури бозгашт/носталгияро тақвият медиҳад; ин илова барои қабулқунанда равшан аст, вале аз дақиқияти маъноии асл каме дур мешавад [1; 6].

Дар сатҳи услуб, ҷумлаи асли ҳукми умумӣ ва қатъӣ аст; англисӣ бештар ба афоризми мулоим ва «гуманистӣ»-и суннати ғарбӣ монанд мешавад. Ин тағйирот нишон медиҳад, ки Браун дар жанрҳои гуногун стратегияҳои гуногун интихоб мекунад: дар лирика – визуализатсия, дар байти ахлоқӣ – фаҳмопазирӣ паём [7; 3; 6].

Ҷадвали муқоисавӣ: «Асл – Браун – Шарҳ»

Тарҷумаи Э. Г. Браун (англисӣ, мазмунан)

Шарҳи муқоисавӣ (стратегия/тағйирот)

Матни асл (точикӣ)

Бӯйи ҷӯйи Мулиён ояд ҳаме

The perfume of Muliyan's stream comes ever to me

Давомият («ояд ҳаме») → ҷуброн бо ever; мусиқияти грамматикӣ қисман гум мешавад.

Ёди ёри меҳрубон ояд ҳаме

The memory of longed-for friends returns again

«ёр» (шахсӣ) → «friends» (чамъ): самти маъно ба носталгияи иҷтимоӣ/сиёсӣ мегузарад.

Рег-ои Омӯ ... абрешим намояд ҳаме

Soft as silk beneath my feet

Экспликация + чисмонӣ-кунии тасвир; иқтисоди калимаи асл коҳиш меёбад.

Оби Чайхун ... хуштар аз хиром ояд ҳаме

Waist-high ... embrace

Драматургия ва антропоморфизм меафзояд; «ишора» ба «тасвири равшан» табдил меёбад.

Ҳеч шодӣ нест андар ин ҷаҳон

No joy in all the world there is

Ҳукми умумӣ нигоҳ дошта мешавад; лаҳни қатъӣ дар англисӣ мулоимтар менамояд.

Бартар аз дидори рӯйи дӯстон

Higher than seeing friends once more

Иловаи once more: тақвияти носталгия (адаптатсия), вале дуршавӣ аз дақиқияти маъноӣ асл.

### **Хулоса**

Таҳқиқоти Эдвард Гранвилл Браун ва тарҷумаҳои ӯ аз Рӯдакӣ марҳилаи бунёдӣ дар ташаккули рӯдакишиносии аврупоӣ ба шумор меравад: онҳо на танҳо матнро интиқол медиҳанд, балки механизми фаҳмиши фарҳанги Сомониёнро барои хонандаи ғарбӣ месозанд. Браун бо пайвастанӣ порчаҳои шеърӣ ба контексти таърихӣ-иҷтимоӣ, шеърӣ Рӯдакиро ҳамчун матни дорои функцияи риторикӣ ва рамзҳои фарҳангӣ муаррифӣ кардааст [1; 3; 5].

Муқоиса нишон дод, ки дар сатҳи семантика ва прагматика Браун бештар ба доместикация ва экспликация таъҷиб мекунад: унсурҳои ишорай (ё «лаҳни иқтисодӣ»-и шарқӣ) ба воситаи тавзеҳ, ҷузъиёти ҳиссӣ ва баъзан чамбиятӣ-кунии маъноӣ (ёри шахсӣ → friends) барои қабулқунанда фаҳмотар

мешаванд. Ин равиш, гарчанде бо талафи қисми мусиқият ва формати поэти-  
кии асл ҳамроҳ аст, дар интиқоли паём ва таъсири умумии матн самаранок ме-  
бошад [6; 7].

Аз нуқтаи назари тарҷумашиносии муосир, тарҷумаҳои Браунро мета-  
вон ҳамчун намунаи барвақти тарҷумаи коммуникативӣ ва динамикӣ арзёбӣ  
кард, ки дар он «эквивалентнокӣ» бештар функционалӣ-стилистикӣ фаҳмида  
мешавад. Аз ҳамин хотир, аҳамияти фаъолияти Браун имрӯз ҳам боқӣ мемо-  
над: ӯ на танҳо матни Рӯдакиро «тарҷума» кард, балки модели қабул ва  
таҳқиқи мероси форсӣ-тоҷикиро дар муҳити англисзабон ба роҳ монд [1; 6; 3].

#### Адабиёт

1. Browne E. G. A Literary History of Persia. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1902.
2. Саидзода Р. Рӯдакӣ ва рушди адабиёти классикии тоҷик. Душанбе: Дониш, 2007.
3. Мирзоев А. Таърихи рӯдакишиносӣ дар Аврупо. Хучанд: Ношир, 2015.
4. Саидов М. Поэтикаи шеърӣ классикии форсӣ-тоҷикӣ. Душанбе: Ирфон, 2010.
5. Набиев Ф. Шарҳшиносии аврупоӣ ва мероси адабии тоҷикон. Душанбе: Маориф, 2018.
6. Venuti L. The Translator's Invisibility. London: Routledge, 1995.
7. Newmark P. A Textbook of Translation. London: Prentice Hall, 1988.

# ЯВЛЕНИЕ «СЛОВА ГОДА», МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ВЛИЯНИЕ, ПУТИ И СПОСОБЫ ИХ АДАПТАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Шарикова Анна Денисовна**

студентка,

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

*Научный руководитель – доцент департамента лингвистики факультета международных отношений Северо-Кавказского федерального университета Вартанова Лиана Робертовна*

***Аннотация.** В статье исследуется феномен «слова года» как ключевого маркера межъязыкового влияния в цифровую эпоху. На материале номинантов 2023–2025 годов от ведущих англоязычных словарей (Oxford, Cambridge, Webster) и русскоязычных проектов (Яндекс, Институт русского языка им. А. С. Пушкина) анализируются основные пути (цифровые медиа, профессиональный дискурс) и лингвистические способы (калькирование, транскрипция, семантическое заимствование) адаптации данных лексем в русском языке. Выявлена тенденция к доминированию тематических блоков, связанных с искусственным интеллектом, экологическим сознанием и новой социальной реальностью. Результаты показывают, что скорость и глубина адаптации напрямую зависят от типа концепта и канала его проникновения.*

***Ключевые слова:** слово года, интернационализмы, адаптация заимствований, лингвистический анализ, межъязыковое влияние.*

## **Введение**

В эпоху цифрового ускорения, когда глобальные тренды формируются и распространяются со скоростью сетевого трафика, язык демонстрирует удивительную пластичность, выступая в роли живого архива современности. Он не просто фиксирует изменения, но и становится их активным участником, мгновенно отражая технологические прорывы, социальные сдвиги и политические трансформации. Одним из наиболее репрезентативных и наглядных феноменов, позволяющих «измерить пульс» эпохи, является ежегодная социолингвистическая акция «Слово года».

Выбираемое ведущими лексикографическими институтами мира, такое слово представляет собой не случайную лексему, а концентрированный лингвокультурный концепт – вербальный сгусток смыслов, тревог и надежд, определивших общественную повестку. Однако судьба этих глобальных номинантов в иноязычной среде, в частности в русскоязычном пространстве, представляет собой сложный и недостаточно изученный процесс. Он включает в себя

не только механическое заимствование, но и активную адаптацию, где сталкиваются и взаимодействуют различные языковые системы, культурные коды и коммуникативные практики.

Целью данной статьи является комплексный анализ феномена «слова года» как катализатора межъязыкового влияния и систематизация стратегий его адаптации в русском языке на актуальном материале 2023-2024 годов. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: сопоставить выбор ключевых слов ведущими англоязычными (Oxford, Cambridge, Collins) и русскоязычными (Яндекс, Институт Пушкина, Экспертный совет) проектами; выявить доминирующие тематические кластеры; определить основные каналы проникновения и описать лингвистические механизмы адаптации.

## **Глава 1. Слова года 2023-2024: зеркало глобальных и локальных трендов**

Сопоставительный анализ лексикографических выборов ведущих мировых и российских институций за 2023-2024 годы выявляет как конвергенцию общемировых тем, так и уникальные акценты национального дискурса. Доминирующим трендом, определившим языковую повестку 2023 года, стала повсеместная демократизация технологий искусственного интеллекта. Так, Cambridge Dictionary избрал, словом, года глагол «hallucinate» в его новом, технологическом значении – «производить ложную или вымышленную информацию», что описывает ключевую проблему нейросетей. Параллельно Oxford Languages отметил социально-коммуникативный аспект цифровой эпохи, выбрав сленговое слово «tizz» (от «charisma») – термин, обозначающий врожденную или приобретенную способность к флирту и обаянию, популяризованный через платформу TikTok.

Русскоязычный контекст продемонстрировал не пассивное заимствование, а активную, а иногда и опережающую смысловую переработку этих трендов. «Яндекс» зафиксировал абсолютного лидера по росту запросов и употреблений – слово «нейросеть». Этот неологизм, будучи точной словообразовательной калькой, совершил стремительный переход из

узкопрофессионального жаргона в общеупотребительную лексику. Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина предложил более концептуальную номинацию – «Человек разумный цифровой», – которая выводит дискуссию в антропологическую плоскость, осмысляя трансформацию человеческой идентичности. На этом фоне выбор Экспертного совета под руководством М. Эпштейна – прилагательное «недружественный» – указывает на мощное влияние текущей геополитической реальности на язык, формирующее свой собственный, отчасти изолированный, концептуальный ряд.

В 2024 году тенденция к доминированию технологической тематики не только сохранилась, но и углубилась. Oxford Languages словом, года объявил «prompt» (промпт) – ключевое понятие в работе с генеративным ИИ, обозначающее текстовый запрос-инструкцию. Этот выбор подчеркивает, что общество перешло от осознания феномена ИИ к активному освоению его инструментария. Cambridge Dictionary продлил статус слова года для «hallucinate», что свидетельствует о сохраняющейся остроте проблемы достоверности контента. В России «Яндексе» отметил популярность слова «квиз» (от англ. quiz), отражающего тенденцию к геймификации досуга и образования, что также является косвенным следствием цифровизации.

## **Глава 2. Пути проникновения: цифровые магистрали и нишевые тропы**

Скорость и успех адаптации «слова года» напрямую зависят от канала его первичного проникновения в языковое сознание носителей русского языка. Можно выделить три основных пути, каждый из которых накладывает свой отпечаток на дальнейшую судьбу лексемы.

Вирусное распространение через социальные медиа и платформы (путь «криз»). Этот канал характерен для слов, рожденных внутри цифровой культуры. Сленг «gizz» проник в русский язык практически исключительно через видеоконтент, RuTube, различные ролики и мемы в социальных сетях. Его адаптация шла по пути минимального сопротивления: звуковая оболочка была транскрибирована («криз»), а значение усвоено напрямую через визуальный и

поведенческий контекст. Такой путь обеспечивает взрывную популярность, но часто ограничивает слово определенной нишей, ставя под вопрос его долговечность.

Технические термины и концепты приходят через специализированные СМИ, онлайн-публикации, конференции и образовательные курсы. Аббревиатура AI и термин «prompt» укоренились первоначально в речи IT-специалистов, журналистов, пишущих о технологиях, и ранних адептов новых инструментов. Этот путь обеспечивает высокую точность заимствования, но создает барьер для широкой аудитории, приводя к явлению диглоссии: профессионалы говорят «промт» и «AI», массовая аудитория – «запрос к нейросети» и «искусственный интеллект».

Любопытен уникальный случай слова «нейросеть», которое сформировалось на стыке второго и первого путей: возникнув в профессиональной среде, оно благодаря своей прозрачности и образности было мгновенно подхвачено массовыми медиа и соцсетями, совершив стремительный прорыв в общеупотребительный язык.

### **Глава 3. Способы адаптации: лингвистические механизмы трансформации**

Попадая в новую языковую среду, слово-номинант подвергается обработке по конкретным лингвистическим сценариям. Анализ материала позволяет выстроить градацию от наиболее простого до наиболее сложного способа адаптации.

Транскрипция с минимальной графической адаптацией. Это базовый способ для слов, чья ценность заключается в их иноязычной, «модной» оболочке. «Rizz» дало русское «ризз». Семантика при этом заимствуется целиком. Такие слова похожи на «гостевых работников» языка – они выполняют узкую функцию, оставаясь стилистически маркированными и потенциально временными.

Семантическое заимствование (расширение значения). Наиболее изящный и экономичный механизм, когда заимствуется не форма, а новое значение

для уже существующего в языке слова. Классический пример – «галлюцинировать». Его традиционное значение («испытывать ложные восприятия вследствие психического расстройства») было метафорически расширено для описания «болезни» нейросети. Язык не создает новой единицы, а нагружает старую новым, актуальным смыслом, что свидетельствует о высокой степени интеграции концепта.

Калькирование и создание конкурентоспособного неологизма. Это стратегия активного языкового сопротивления и творчества. Вместо заимствования *neural network* русский язык создал точную, семантически прозрачную и фонетически удобную кальку «нейросеть». Этот неологизм не просто занял нишу – он выиграл конкуренцию у потенциального заимствования, доказав свою эффективность. Аналогично, описательное «Человек разумный цифровой» представляет собой попытку дать глубокий, философский ответ на вызов времени, создавая не просто термин, а целый концепт.

В условиях, когда глобальный термин (особенно аббревиатура вроде AI) обладает мощной международной узнаваемостью, а местный эквивалент («искусственный интеллект») – традиционен и однозначен, возникает ситуация сосуществования. В профессиональном и гибридном англо-русском дискурсе (IT-компании, научные статьи) используется AI, в официальных документах, СМИ для широкой аудитории и бытовой речи – ИИ. Это не конфликт, а функциональное распределение.

### **Заключение**

Проведённое исследование подтверждает, что феномен «слова года» является значимым маркером и катализатором межъязыкового влияния в эпоху цифровой глобализации. Анализ данных 2023-2024 годов выявил доминирование технологической повестки (искусственный интеллект, цифровая этика), что одинаково ярко отразилось как в выборах ведущих англоязычных словарей (AI, hallucinate, prompt), так и в русскоязычных номинациях (нейросеть, Человек разумный цифровой).

Были систематизированы ключевые механизмы адаптации: от прямого вирусного заимствования через соцсети (rizz → «ризз») до сложных семантических трансформаций (hallucinate → «галлюцинировать» в новом значении) и создания конкурентоспособных собственных неологизмов (нейросеть). Русский язык демонстрирует не пассивное усвоение, а активную, избирательную и творческую переработку глобальных трендов.

Траектория адаптации «слова года» от его глобального провозглашения до национального узуса служит точной моделью для изучения глубинных процессов языкового контакта. Она наглядно показывает, как язык, реагируя на вызовы времени, не только заимствует формы, но и создаёт новые смыслы, утверждая свою роль живого и адаптивного инструмента осмысления реальности.

#### Литература

1. Иссерс О.С. Цифровая коммуникация и эволюция лексикона // Политическая лингвистика. 2024. № 2.
2. Cambridge Dictionary Word of the Year 2023, 2024 URL: <https://dictionary.cambridge.org>.
3. Oxford Languages Word of the Year 2023, 2024 URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/>.
4. Merriam Webster Word of the Year 2023, 2024 URL: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/word-of-the-year>.
5. Слово года по версии Яндекс. 2023, 2024 URL: <https://yandex.ru/company/researches/word2023>.
6. Проект «Слово года» Института русского языка им. А.С. Пушкина. 2023, 2024 URL: <https://pushkininstitute.ru>.
7. Эпштейн М.Н. Слова и выражения года 2023, 2024 в России. Группа в Facebook «Слово года».
8. Хитарова Е.Г. Глобальные тренды в локальном дискурсе // Вопросы языкознания. 2024. № 1.
9. Mustajoki A. New Waves in Neology // Russian Journal of Linguistics. 2023. V. 27. No. 3.

## СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»

### ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ИМПУЛЬСНЫХ ДЕТОНАЦИОННЫХ ДВИГАТЕЛЕЙ

**Иванов Илья Андреевич**

курсант, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,  
Россия, г. Воронеж

**Попович Никита Павлович**

курсант, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,  
Россия, г. Воронеж

*Научный руководитель – преподаватель кафедры авиационных двигателей  
Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушной  
академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,  
кандидат технических наук Шкут Кай Леонидович*

***Аннотация.** Импульсный детонационный двигатель является сложной технической установкой, основной принцип работы которой является формирование детонационной волны. История создания данного типа двигателя берет свое начало ещё с прошлого столетия. Статья посвящена хронологическому развитию импульсных детонационных двигателей.*

***Ключевые слова:** импульсный детонационный двигатель, камера сгорания, детонация, детонационная волна.*

Импульсный детонационный двигатель (ИДД) является сложной технической, в которой горение топливовоздушной смеси (ТВС) осуществляется детонацией.

Принцип импульсного детонационного двигателя (ИДД, пульсирующего детонационного двигателя) впервые был предложен не учёными, а писателями-фантастами. Например, подлодка «Пионер» из романа Г. Адамова «Тайна двух океанов» использовала ИДД на водородно-кислородной газовой смеси.

Научные изыскания по теме детонационных двигателей начались в сороковых годах, пионерами направления были советские учёные. В дальнейшем в разных странах неоднократно предпринимались попытки создания

опытного ИДД, но их успех ограничивало отсутствие необходимых технологий и материалов.

Исследования в области импульсного детонационного двигателя (ИДД) проводились как в России, так и за рубежом. Учёные изучали принципы детонационного горения, разрабатывали конструкции таких двигателей и проводили экспериментальные исследования.

### **В России**

**Бам-Зеликович** заложил теоретические основы импульсно-детонационного двигателя, рассмотрел задачу о распаде произвольного разрыва в реагирующей среде. Он же первым дал теоретическое обоснование возникновения пульсаций при горении топливной смеси в цилиндрическом канале.

**Левин** разработал основные положения теории детонации, решил ряд важных модельных задач. Создал научную школу детонации в Институте механики Московского государственного университета (МГУ).

**Войцеховский** открыл явление спиновой детонации и предложил схему ротационного двигателя с непрерывной детонацией в Новосибирском институте гидродинамики им. Лаврентьева (ИГиЛ).

**Левочкин** участвовал в работах по созданию модельной камеры жидкостного детонационного ракетного двигателя под патронажем Фонда перспективных исследований. В качестве горючего предложили использовать керосин, а окислителя – газообразный кислород. В процессе теоретических и экспериментальных исследований была подтверждена возможность создания детонационного ракетного двигателя на таких компонентах. На основе полученных данных разработали, изготовили и успешно испытали детонационную модельную камеру с тягой в 2 тонны и давлением в камере сгорания около 40 атм.

**ОКБ им. А. М. Люльки** разрабатывало проект детонационного авиационного двигателя с камерой сгорания, способной осуществлять импульсное детонационное горение топлива в воздушной атмосфере. В конструкции

предлагалось использовать резонаторные устройства, отвечающие за правильный ход горения топлива.

### **За рубежом**

**Специализированный центр Seattle AeroSciences Center (SAC)** в США, который занимается разработкой детонационных двигателей. Большая часть работ центра финансируется ВВС и NASA из бюджета межведомственной программы Integrated High Payoff Rocket Propulsion Technology Program (IHPRPTP).

**Инженерная группа из Флориды (работает на ВВС США)** сконструировала и успешно испытала лабораторный вариант вращающегося детонационного ракетного двигателя. В основу его работы положены вращающиеся взрывы внутри кольцевого канала, при этом создаётся эффективная тяга.

**T. H. New, Philip Panicker, Frank K. Lu и H. M. Tsai** провели экспериментальное исследование многоциклового импульсного детонационного двигателя, работающего на смеси пропана и кислорода, чтобы изучить эффективность параметров спирали Шелкина в переходе от дефлаграционного горения к детонации.

**31 января 2008 года** агентство DARPA министерства обороны США и Лаборатория ВВС начали испытания первой летающей лаборатории с ИДД воздушно-реактивного типа. Оригинальный двигатель установили на доработанном самолёте Long-EZ от фирмы Scale Composites. Силовая установка включала четыре трубчатые камеры сгорания с подачей жидкого топлива и забором воздуха из атмосферы.

**В июле 2016 года** на стенде ПНО «Энергомаш» в России состоялись первые в мире испытания экспериментального детонационного ЖРД.

**В 2021 году** Объединённая двигателестроительная корпорация, входящая в «Ростех», завершила первый этап испытаний демонстрационной версии ИДД. Система продемонстрировала все требуемые показатели: на отдельных режимах работы тяга двигателя в пересчёте на килограмм топлива была в 1,5 раза выше, чем у традиционных установок.

## **Перспективы**

**Основные приложения** – дешёвые средства доставки боеприпасов, силовые установки для самолётов-мишеней и беспилотных летательных аппаратов, а также крылатых ракет.

**В перспективе ИДД** могут использоваться и для форсирования тяги пилотируемых летательных аппаратов.

Однако импульсные детонационные двигатели не дошли до стадии серийного производства. Это связано с тем, что детонация – менее стабильный и предсказуемый процесс, чем привычное горение, и научиться ею управлять непросто.

## **Литература**

1. <https://topwar.ru/177256-impulsnye-detonacionnye-dvigateli-kak-budushee-raket-i-aviacii.html>.
2. <http://m.enve-martin.ru/articles/импульсные-детонационные-двигатели-как-будущее-ракет-и-авиации>.
3. <https://ntv.ifmo.ru/file/article/14542.pdf>.
4. <https://rg.ru/2018/01/18/levochkin-vozmozhnost-sozdaniia-detonacionnogo-dvigatelia-podtverdilas.html>.
5. <https://pltm.org/wp-content/uploads/2021/02/Detonac-dvigatel-i-UVS-ch.1.pdf>.
6. [https://www.researchgate.net/publication/260041901\\_Obzor\\_proektov\\_detonacionnyh\\_dvigatelej\\_Impulsnye\\_dvigateli\\_Overview\\_of\\_projects\\_detonation\\_engines\\_Pulse\\_ramjet\\_engine](https://www.researchgate.net/publication/260041901_Obzor_proektov_detonacionnyh_dvigatelej_Impulsnye_dvigateli_Overview_of_projects_detonation_engines_Pulse_ramjet_engine).
7. <https://dzen.ru/a/XuPLgFmRojTCsyXT>.
8. <https://cyberleninka.ru/article/n/detonatsionno-gazovye-tehnologii-i-ustroystva-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-soobschenie-1-gazovaya-detonatsiya-i-ee-primenenie>.

## СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

### ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РАБОТЕ С ОБУЧАЮЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖЬЮ

**Батиевская Галина Сергеевна**

магистрантка, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Россия, г. Санкт-Петербург

*Научный руководитель – заведующая кафедрой теории и технологии социальной работы Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, кандидат педагогических наук, доцент Платонова Юлия Юрьевна*

**Аннотация.** В условиях трансформации социально-экономической системы возрастает роль социального предпринимательства как механизма устойчивого развития и решения острых социальных проблем. Особое значение приобретает вовлечение обучающейся молодежи – студентов вузов, колледжей и техникумов – в практики социально-ориентированной инициативы. В статье рассматриваются ключевые технологии социального предпринимательства, применяемые в образовательной среде, а также их потенциал в формировании гражданской ответственности, проектного мышления и социальной активности у молодежи. Обосновывается необходимость создания целостной экосистемы поддержки, интегрирующей образовательные, организационные и цифровые компоненты.

**Ключевые слова:** социальное предпринимательство, обучающаяся молодежь, образовательная среда, технологии вовлечения, социальная ответственность, проектное мышление, экосистема поддержки.

Современное общество сталкивается с комплексными вызовами – от цифрового неравенства и экологических кризисов до демографических сдвигов и дезинтеграции локальных сообществ. Традиционные формы государственного управления и благотворительности всё чаще демонстрируют ограниченную эффективность в решении этих проблем. В этих условиях социальное предпринимательство выступает как гибридная модель, сочетающая рыночные механизмы с ориентацией на общественное благо [1, с. 22-31].

Социальное предпринимательство определяется как деятельность, направленная на создание измеримой социальной ценности через устойчивые, инновационные и масштабируемые решения актуальных проблем [3, с. 76-83]. В отличие от классического бизнеса, где главной целью является прибыль, или от благотворительности, основанной на передаче ресурсов, социальное предпринимательство стремится к системным изменениям, используя

предпринимательские инструменты для достижения социальных целей [5, с. 112-125].

Особую роль в развитии этого феномена играет обучающаяся молодежь – студенты высших и средних профессиональных учебных заведений. Именно в юношеском возрасте формируются ценностные ориентации, гражданские компетенции и установки на активное участие в жизни общества [4, с. 85-101]. Молодежь обладает когнитивной гибкостью, технологической компетентностью и высокой мотивацией к смысловой реализации, что делает её идеальным носителем социально-предпринимательских идей [9, с. 33-42].

Несмотря на широкую декларацию готовности участвовать в решении социальных проблем, практическая реализация инициатив в формате социального предпринимательства среди молодёжи остаётся ограниченной. Согласно данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (2023), лишь 12% россиян в возрасте 18–30 лет способны точно определить, что такое социальное предпринимательство, тогда как 47 % заявляют о готовности включиться в подобные проекты при условии получения поддержки и необходимой информации. Это свидетельствует о существенном разрыве между теоретическим интересом и практическими действиями, обусловленном, в первую очередь, недостатком просветительской работы и слабой интеграцией темы социального предпринимательства в образовательные и информационные среды, ориентированные на молодёжь [6].

Для преодоления этого разрыва необходимы специализированные технологии вовлечения, которые можно условно разделить на три группы.

Первая группа – образовательные технологии. К ним относятся междисциплинарные курсы («Социальное проектирование», «Этика предпринимательства»), кейс-чемпионаты, хакатоны, социально-психологические тренинги и ролевые игры. Такие форматы развивают не только профессиональные компетенции (аналитическое мышление, управление проектами, финансовая грамотность), но и soft skills – эмпатию, креативность, командную работу и социальную ответственность [7, с. 70-81].

Вторая группа – организационные технологии. Здесь ключевую роль играет создание «социально-образовательных кластеров», объединяющих вузы, НКО, социальные предприятия и органы власти. В рамках таких кластеров реализуются сквозные траектории: от генерации идеи до запуска проекта, получения грантовой поддержки и трудоустройства. Примерами могут служить студенческие бизнес-инкубаторы, акселераторы социальных инициатив и программы наставничества с участием действующих предпринимателей [8, с. 45-58].

Третья группа – цифровые технологии. Современная молодежь естественным образом использует онлайн-платформы для коммуникации и самоорганизации. Это открывает возможности для краудфандинга, цифрового маркетинга, удалённого управления проектами и измерения социального воздействия. Цифровизация снижает порог входа, позволяет быстро тестировать гипотезы и масштабировать успешные решения без значительных стартовых затрат [2, с. 55-68].

Важно подчеркнуть, что эффективность этих технологий зависит от их системной интеграции. Разрозненные мероприятия – лекция, конкурс, мастер-класс – не формируют устойчивой мотивации. Необходима целостная экосистема, сочетающая три ключевых компонента: осмысленность (ясная социальная миссия), доступность (низкий порог входа, адаптированные форматы) и поддержку (менторство, ресурсы, институциональное признание).

Анализ состояния социального предпринимательства в России, проведённый Яхнеевой И. В. и Павловой А. В., подтверждает наличие позитивной динамики: за 2020-2021 гг. количество зарегистрированных социальных предприятий выросло в 2,5 раза, а число регионов без таковых сократилось с 29 до 9 [10, с. 1023-1035]. При этом наибольшая концентрация наблюдается в Республике Башкортостан, Ханты-Мансийском автономном округе, Нижегородской области и Москве. Авторы отмечают, что восточные регионы демонстрируют наиболее высокую социальную активность предпринимателей, что

может быть связано с особенностями региональной политики и уровнем развития социальной инфраструктуры.

Особое внимание следует уделить работе с уязвимыми группами молодежи, включая лиц с инвалидностью. Для них особенно важны практико-ориентированные, визуально наглядные модели вовлечения, опирающиеся на их жизненный опыт и потребности. Инклюзивный подход расширяет не только социальные, но и экономические возможности – через создание рабочих мест, развитие ремёсел, онлайн-обучение и другие формы самореализации.

Правовую основу для развития социального предпринимательства в России заложил Федеральный закон № 245-ФЗ от 26 июля 2019 года, который впервые закрепил понятия «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие» [11]. С 2021 года молодые люди в возрасте до 25 лет могут получать гранты до 500 тысяч рублей на запуск социально значимых проектов. Однако до сих пор отсутствует специальный статус «молодёжного предпринимателя», что ограничивает возможности адресной поддержки.

Таким образом, технологии социального предпринимательства в работе с обучающейся молодежью представляют собой не набор разрозненных методик, а многоуровневую систему, направленную на раскрытие её инновационного потенциала. Их применение способствует не только профессиональному становлению, но и формированию нового типа гражданской активности – ориентированной на решение системных социальных проблем через предпринимательские механизмы. В условиях глобальных вызовов именно такие технологии становятся стратегическим ресурсом устойчивого развития общества.

#### **Литература**

1. Абанкина Т.А. Социальное предпринимательство в России: новые вызовы и стратегии развития // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 4 (153). – С. 22-31.
2. Громова А.С. Цифровые инструменты в практике социального предпринимательства // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 55-68.
3. Dees J.G. The Meaning of “Social Entrepreneurship” // Stanford Social Innovation Review. – 2022. – Vol. 20, № 1. – P. 76-83.
4. Лисовский В.Т. Современная молодежь: методология исследования и новые социальные вызовы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2023. – № 2. – С. 85-101.

5. Широкова Г.В., Цветкова И.В. Экосистема социального предпринимательства в России: текущее состояние и перспективы развития // *Управленческое консультирование*. – 2023. – № 1. – С. 112-125.
6. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Молодёжь и социальное предпринимательство: результаты опроса населения [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-i-socialnoe-predprinimatelstvo> (дата обращения: 22.01.2026).
7. Ковалева Т.Н. Технологии вовлечения молодежи в социально-предпринимательскую деятельность: образовательный аспект // *Высшее образование в России*. – 2022. – Т. 31, № 7. – С. 70-81.
8. Петрова Д.А. Институциональные барьеры развития социального предпринимательства в российской образовательной среде // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. – 2023. – № 3. – С. 45-58.
9. Прученко А.А. Молодежное социальное предпринимательство: мотивация, барьеры и траектории развития // *Социальная политика и социология*. – 2022. – Т. 21, № 4 (135). – С. 33-42.
10. Яхнеева И.В., Павлова А.В. Социальное предпринимательство в России: состояние, факторы влияния, перспективы // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2021. – Т. 11, № 6. – С. 1023-1035. – URL: <https://1economic.ru/lib/112289> (дата обращения: 22.01.2026).
11. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» // *Собрание законодательства РФ*. – 2019. – № 31. – Ст. 4670.

# ОТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ДЕЙСТВИЯМ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ РАМОЧНОЙ ПРОГРАММЫ ПО БИОРАЗНООБРАЗИЮ (GBF) В КИТАЕ

Ли Чи

магистрант,

Университет Малайя, Малайзия, г. Куала-Лумпур

***Аннотация.** Исследование анализирует адаптацию и реализацию Куньмин-Монреальской рамочной программы по биоразнообразию (GBF) в Китае. На основе анализа политических документов и отчетов выделяются ключевые инструменты, такие как экологические красные линии и механизмы компенсации. Исследование выявляет характерные для Китая подходы: централизованное планирование, интеграция GBF с национальными стратегиями (например, экологическая цивилизация). Подчеркиваются challenges, включая межсекторальную координацию, финансирование и местный потенциал. Предлагаются рекомендации по оптимизации механизмов управления. Работа вносит вклад в понимание трансляции международных обязательств в национальные действия.*

***Ключевые слова:** глобальная рамочная программа по биоразнообразию (GBF), Китай, национальная адаптация, политические механизмы, экологические красные линии, проблемы реализации.*

Принятие Куньмин-Монреальской глобальной рамочной программы по биоразнообразию (GBF) в 2022 году ознаменовало новый этап в международных усилиях по остановке утраты биоразнообразия. Однако, как показал опыт выполнения Айтийских целевых задач, успех глобальных рамок напрямую зависит от их эффективной адаптации и реализации на национальном уровне. Китай, как страна с невероятно богатым биоразнообразием, являющаяся председателем GBF, играет ключевую роль в этом процессе. Его подход к интеграции глобальных целей в национальную политику представляет значительный интерес для международного сообщества. Данное исследование ставит своей целью проанализировать политическую эволюцию и выявить основные проблемы, с которыми столкнулся Китай при реализации GBF, основываясь исключительно на анализе содержания предоставленного документа.

Методологической основой данного исследования является углубленный анализ конкретного случая (case study), сфокусированный на Китае. В качестве эмпирической базы используются вторичные данные, извлеченные из предоставленного PDF-документа. К ним относятся официальные

политические документы, такие как обновленная «Стратегия и план действий Китая по сохранению биоразнообразия (2023–2030)», а также разделы документа, посвященные обзору политики Китая, его сравнительным характеристикам и методологии исследования. Качественный контент-анализ позволяет систематически выявлять ключевые темы, политические инструменты и проблемы реализации, описанные в документе. Этот подход позволяет проследить, как глобальные цели GBF трансформируются в конкретные национальные политические меры и механизмы управления.

Политическая эволюция Китая в области сохранения биоразнообразия после принятия GBF характеризуется быстрой и системной адаптацией. Как отмечается в документе, Китай оперативно пересмотрел и усилил свой Национальный план действий по сохранению биоразнообразия, выпустив версию на 2023–2030 годы. Этот новый план методологически интегрирует достижения GBF в национальные стратегии, увязывая их с такими национальными приоритетами, как строительство экологической цивилизации и цели по достижению углеродной нейтральности. Краеугольным камнем политики Китая является система экологических красных линий, которая выделяет зоны с критически важными экологическими функциями и высокой уязвимостью для строгой охраны, охватывая около 30% территории суши. Этот инструмент пространственного планирования демонстрирует акцент Китая на системном, сверху-вниз подходе к управлению. Кроме того, Китай продолжает совершенствовать механизмы экологической компенсации, при этом центральное правительство выделило 78 миллиардов юаней на эти цели в 2022 году. На уровне управления была усилена координация через Комитет по сохранению биоразнообразия при Министерстве экологии и окружающей среды, в который входят более 20 ведомств, что подчеркивает важность межсекторального взаимодействия.

Несмотря на прогресс, реализация GBF в Китае сталкивается с рядом серьезных проблем, которые подробно описаны в документе. Одной из ключевых проблем являются трудности межсекторальной координации. Несмотря на

создание координирующих органов, эффективная интеграция целей сохранения биоразнообразия в политику различных министерств и ведомств (сельского хозяйства, инфраструктуры, энергетики) остается сложной задачей. Еще одним существенным вызовом является обеспечение долгосрочного стабильного финансирования. Хотя объем инвестиций значителен, существует потребность в более устойчивых и диверсифицированных источниках финансирования, включая частный капитал. Кроме того, сохраняется разрыв в потенциале между национальным и местным уровнями. Местные органы власти часто сталкиваются с нехваткой технических возможностей, кадровых ресурсов и потенциала для эффективного мониторинга и оценки результатов реализации политики. Это ограничивает возможность отслеживать прогресс и своевременно корректировать действия. Документ также указывает на необходимость дальнейшего совершенствования механизмов социального участия, включая более активное вовлечение местных сообществ, научных кругов и неправительственных организаций в процесс принятия решений и мониторинг.

В заключение, опыт Китая в адаптации и реализации GBF демонстрирует уникальное сочетание сильного политического лидерства, системного планирования и использования инновационных инструментов управления, таких как экологические красные линии. Политическая эволюция страны отражает стремление к глубокой интеграции глобальных обязательств в национальные стратегии развития. Однако выявленные проблемы, в частности, сложности координации, финансирования и наращивания потенциала на местах, являются общими для многих стран, стремящихся достичь целей GBF. Таким образом, уроки, извлеченные из опыта Китая, имеют большое значение для международного сообщества. Для дальнейшего укрепления реализации GBF Китаю рекомендуется сосредоточиться на усилении механизмов межведомственной координации, разработке инновационных финансовых инструментов, систематическом наращивании потенциала на местном уровне и поощрении более широкого участия различных сторон. Это исследование вносит вклад в углубление понимания процессов национальной адаптации глобальных

экологических рамок и подчеркивает важность учета национального контекста при разработке и реализации международной политики в области биоразнообразия.

#### **Литература**

1. Ministry of Ecology and Environment of China. (2024). China's Biodiversity Conservation Strategy and Action Plan (2023-2030).
2. Huang, R. (2025). Speech at the 11th BRICS Environment Ministers Meeting. Ministry of Ecology and Environment of the People's Republic of China.
3. Ministry of Finance. (2023). Union Budget 2023-24. Press Release.
4. Xu, H., Cao, Y., Yu, D., Cao, M., He, Y., Gill, M., & Pereira, H.M. (2019). Ensuring effective implementation of the post-2020 global biodiversity targets. *Nature Ecology & Evolution*.
5. Visseren-Hamakers, I. J. (2015). Integrative environmental governance: Enhancing governance in the era of synergies. *Current Opinion in Environmental Sustainability*.

# ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Фатхутдинов Азат Радутович**

магистрант, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск

***Аннотация.** В статье исследуются специфические черты правового регулирования противодействия коррупции в социальной сфере Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена высокой уязвимостью данного сектора, где коррупционные практики напрямую затрагивают интересы социально незащищённых групп населения, снижают эффективность бюджетных расходов и подрывают доверие к государственным институтам.*

*Цель исследования – выявить системные особенности и проблемные аспекты действующего нормативного регулирования, а также предложить пути его оптимизации. Методологическую основу работы составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы анализа.*

*В ходе исследования проанализирована многоуровневая система нормативных актов, включающая федеральное законодательство, отраслевые стандарты и региональные правовые акты (на примере законодательства Красноярского края). Особое внимание уделено практическим проблемам правоприменения, связанным с фрагментарностью правового поля, использованием оценочных категорий в нормах ответственности и недостаточной адаптацией контрольных механизмов к условиям цифровизации социальных услуг.*

*Результаты проведённого анализа показали, что существующее регулирование носит комплексный, но недостаточно скоординированный характер, что снижает его превентивный потенциал. На основе изучения регионального опыта Красноярского края автором сформулированы предложения по совершенствованию антикоррупционных механизмов: унификация нормативных требований, внедрение риск-ориентированных моделей контроля, развитие «умных» цифровых систем аудита и усиление роли общественного мониторинга.*

*Выводы статьи свидетельствуют о необходимости перехода от формального соблюдения нормативных требований к построению интегрированной и гибкой системы противодействия коррупции, адаптированной к современным социально-экономическим вызовам и региональной специфике.*

***Ключевые слова:** противодействие коррупции, социальная сфера, правовое регулирование, коррупционные риски, антикоррупционное законодательство, Красноярский край, цифровизация, государственная гражданская служба.*

## **Актуальность исследования**

Социальный сектор экономики, включающий здравоохранение, образование и социальное обслуживание, традиционно относится к областям повышенной коррупционной уязвимости. Это обусловлено значительными объемами распределяемых бюджетных ресурсов, наличием субъективных критериев при оценке нуждаемости граждан, а также высокой степенью

доверительных отношений между государственными служащими и получателями услуг [1]. В условиях, когда от решений должностных лиц зависят жизненно важные аспекты существования социально незащищенных категорий населения, эффективность антикоррупционных механизмов приобретает особое общественное значение.

Актуальность настоящего исследования определяется сохраняющимися системными проблемами в реализации антикоррупционного законодательства в социальной сфере, несмотря на формальное наличие разветвленной нормативной базы. Статистические данные правоохранительных органов свидетельствуют о устойчивой динамике соответствующих правонарушений, что указывает на недостаточную эффективность существующих превентивных мер [2, 7, 10]. Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к анализу нормативного регулирования, рассматривающем не только формально-юридические аспекты, но и практические проблемы имплементации норм в условиях цифровой трансформации социальных услуг.

### **Цель исследования**

Целью исследования является выявление системных особенностей и дефектов правового регулирования противодействия коррупции в социальной сфере. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Анализ архитектуры нормативно-правовой базы, регулирующей антикоррупционную деятельность в социальном секторе.
2. Определение специфических факторов коррупционной уязвимости, характерных для органов социальной политики.
3. Исследование проблем правоприменения на основе региональной практики.
4. Разработка предложений по совершенствованию организационно-правовых механизмов.

Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере противодействия коррупции при реализации социальных программ и предоставлении услуг.

Предметом исследования являются нормы федерального и регионального законодательства, регламентирующие антикоррупционную деятельность в социальной сфере, а также практика их реализации. Методологическую основу составили системный анализ, сравнительно-правовой метод, формально-юридический подход и анализ эмпирических данных.

### **Материалы и методы исследования**

Материалами для исследования послужили: Нормативно-правовые акты: федеральное законодательство (ФЗ № 273-ФЗ, № 79-ФЗ, УК РФ, КоАП РФ), региональные законы (на примере Закона Красноярского края № 7-ЗК), стратегические документы (Национальный план противодействия коррупции) [1, 3, 4, 5, 7]. Научная литература: монографии и статьи, посвященные проблемам коррупции, административному праву и цифровизации государственного управления [8, с. 67-78; 9, с. 112-130]. Эмпирические данные: статистические отчеты правоохранительных и контролирующих органов, аналитические обзоры по реализации антикоррупционной политики [2, 6, 10].

В работе применялся комплекс общенаучных и специальных методов:

- Формально-юридический метод для анализа структуры и содержания правовых норм.
- Сравнительно-правовой метод, использованный для сопоставления федерального и регионального регулирования.
- Системный анализ, позволивший рассмотреть антикоррупционное регулирование как целостный, но многоуровневый механизм.
- Метод анализа документов и статистических данных для выявления практических проблем и тенденций.

### **Результаты исследования**

Проведенный анализ позволил получить следующие результаты:

1. Установлена комплексная, но фрагментированная архитектура регулирования. Система основана на иерархии актов: от стратегических национальных планов [7] и базовых федеральных законов [1, 3] до детализирующих региональных норм [5] и отраслевых стандартов. Однако эта многоуровневость

приводит к рассредоточению норм, регулирующих схожие процедуры (например, закупки или назначение выплат) по множеству документов, что затрудняет их единообразное применение и контроль.

2. Выявлены системные проблемы правоприменения. Ключевыми из них являются:

- Сложность квалификации деяний из-за обилия оценочных понятий («крупный размер», «существенный ущерб») в нормах УК РФ и КоАП РФ, ведущая к неединообразию судебной практики.

- Формализация превентивных мер. Такие инструменты, как антикоррупционное обучение и декларирование, часто воспринимаются как бюрократическая повинность, а не как реальный инструмент управления рисками, что снижает их эффективность [6; 9, с. 112-130].

- Отставание правового контроля от цифровой трансформации. Законодательство не успевает адекватно реагировать на новые риски, связанные с алгоритмизацией решений и обработкой больших данных в социальной сфере [8, с. 67-78].

3. На примере Красноярского края подтвержден диссонанс между формальным соблюдением норм и фактическими рисками. Несмотря на имплементацию всего спектра предписанных федеральным центром мер (декларирование, этические кодексы, внутренний аудит), органы социальной политики края остаются в зоне повышенного риска, что отражается в статистике правонарушений [2]. Это свидетельствует о недостаточной адаптации универсальных механизмов к специфике социальной работы.

### **Заключение**

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Нормативно-правовое регулирование противодействия коррупции в социальной сфере представляет собой сложную многоуровневую систему, сочетающую общеправовые и отраслевые нормы, превентивные и репрессивные механизмы. Особенностью этой системы является необходимость постоянной адаптации общих антикоррупционных требований к специфике социальных

услуг, что создает дополнительные сложности в правоприменении. Выявлены системные проблемы, снижающие эффективность существующего регулирования: нормативная фрагментарность, формализм в реализации организационных мер профилактики, сложности квалификации коррупционных деяний, а также отставание правового регулирования от темпов технологических изменений. Анализ региональной практики подтверждает, что даже при формальном соблюдении всех законодательных требований, коррупционные риски в социальной сфере остаются значительными.

Для повышения результативности противодействия коррупции необходима системная оптимизация организационно-правовых механизмов. Ключевыми направлениями такой оптимизации должны стать: унификация и стандартизация антикоррупционных требований для социальной сферы; внедрение риск-ориентированных моделей контроля; разработка и внедрение технологически продвинутых систем мониторинга; усиление реальных, а не декларативных механизмов общественного контроля. Реализация этих мер будет способствовать не только повышению эффективности использования бюджетных средств, но и укреплению доверия граждан к институтам социальной защиты, что является важным условием устойчивого социального развития.

#### Литература

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52. – Ст. 6228.
2. Статистические данные о коррупционных правонарушениях в социальной сфере Красноярского края за 2024-2025 гг. // Официальный портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. О противодействии коррупции в Красноярском крае: Закон Красноярского края от 12.07.2010 № 7-ЗК // Краевой вестник. – 2010. – № 28.
6. Аналитический отчет о реализации антикоррупционной политики в социальной сфере РФ за 2024 год. – М.: Министерство труда и социальной защиты, 2025.
7. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента РФ от 16.03.2021 № 142 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 12. – Ст. 1920.
8. Иванов А.А. Коррупционные риски цифровой трансформации социальной сферы: новые вызовы для правового регулирования / А.А. Иванов // Государство и право. – 2023. – № 5. – С. 67-78.

9. Смирнова О.В. Оценка эффективности антикоррупционных механизмов в органах исполнительной власти субъектов РФ (на примере социального блока) / О.В. Смирнова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2024. – № 1. – С. 112-130.

10. Доклад Генеральной прокуратуры РФ «О состоянии коррупции в Российской Федерации и эффективности мер по противодействию ей» за 2024 год. – М., 2025. – 150 с.

# ФОРМИРОВАНИЕ HR-БРЕНДА ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ФАКТОР СТРАТЕГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

**Чувашина Татьяна Викторовна**

магистрантка, Волгоградский институт управления –  
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной  
службы при Президенте РФ, Россия, г. Волгоград

***Аннотация.** В статье исследуется роль и специфика развития HR-бренда как ключевого элемента стратегии управления человеческим капиталом в металлургической отрасли. Актуальность работы обусловлена необходимостью преодоления системных вызовов, связанных с дефицитом квалифицированных кадров, демографическим сдвигом и трансформацией технологического уклада. Автор анализирует особенности отрасли, определяющие уникальные требования к ценностному предложению работодателя (EVP), и предлагает модель интеграции HR-брендинга в общую стратегию промышленного предприятия. Доказывается, что целенаправленное формирование аутентичного HR-бренда способствует не только привлечению и удержанию критически важных специалистов, но и повышает операционную надежность и инновационный потенциал компании.*

***Ключевые слова:** HR-бренд работодателя, человеческий капитал, металлургическая отрасль, ценностное предложение работодателя (EVP), организационная лояльность, стратегическое управление персоналом, индустриальный имидж.*

## **Введение**

В контексте глобальной реиндустриализации и перехода к «Индустрии 4.0» металлургический комплекс сталкивается с парадоксальным вызовом: с одной стороны, стремительная автоматизация и цифровизация процессов, с другой – возрастающая критическая зависимость от компетенций и лояльности человеческого капитала. Традиционно воспринимаемая как отрасль с консервативной культурой и физически demanding трудом, современная металлургия вынуждена кардинально пересматривать свои подходы к позиционированию на рынке труда. В этих условиях HR-бренд перестает быть маркетинговой опцией и превращается в стратегический инструмент обеспечения долгосрочной конкурентоспособности и кадровой безопасности.

Актуальность исследования определяется совокупностью факторов:

- Демографический и квалификационный разрыв: старение опытных кадров («советской школы») при недостаточном притоке молодых специалистов, чье профессиональное самоопределение формируется в цифровой среде.

- Конкуренция за «цифровые таланты»: необходимость привлечения IT-специалистов, аналитиков данных, инженеров-робототехников в отрасль, обладающую зачастую менее привлекательным имиджем, чем IT-сектор
- Повышенные требования к безопасности и устойчивости: в высокорисковой отрасли лояльность и вовлеченность персонала напрямую коррелируют с показателями промышленной безопасности и операционной стабильности.
- Глобальная трансформация ценностей труда: для новых поколений работников (Y, Z) значимыми становятся не только стабильность, но и смысл труда, возможности развития, экологическая и социальная ответственность работодателя.

Гипотеза исследования заключается в том, что эффективный HR-бренд в металлургической отрасли должен быть основан на синтезе традиционных отраслевых ценностей (надежность, производственная мощь, экспертность) и новых аттракторов (технологичность, забота о безопасности и благополучии, устойчивое развитие), будучи глубоко интегрированным в производственную систему и корпоративную культуру

Цель статьи – выявить отраслевую специфику и разработать концептуальные основы формирования сильного HR-бренда металлургического предприятия как фактора привлечения, удержания и мотивации ключевого персонала.

Методологическую основу составили анализ академических публикаций в области управления человеческими ресурсами, employer branding и организационного поведения, а также экспертные оценки и лучшие практики ведущих промышленных корпораций.

## **1. Теоретико-методологические основания HR-брендинга в индустриальном секторе**

HR-бренд в современной научной парадигме трактуется как целостный, эмоционально окрашенный образ организации в сознании внутренней (сотрудники) и внешней (потенциальные кандидаты, профессиональное сообщество)

аудитории. Это система обещаний и ожиданий, формализованная в ценностном предложении работодателя (EVP) и подтверждаемая ежедневным опытом взаимодействия сотрудника с организацией.

В металлургической отрасли данная система приобретает уникальные черты, обусловленные:

- Высокой капиталоемкостью и непрерывностью циклов: персонал является звеном, от которого зависит бесперебойность работы дорогостоящих активов. Лояльность здесь напрямую влияет на экономику предприятия
- Коллективным характером труда и строгой иерархией: сильный внутренний бренд способствует укреплению горизонтальных и вертикальных связей, формированию «команды смены»
- Приоритетом безопасности: HR-бренд, в котором забота о жизни и здоровье сотрудника является не compliance-требованием, а ключевой ценностью, формирует глубокую аффективную привязанность.
- Территориальной привязкой: часто предприятие является градообразующим, что делает его HR-бренд элементом социальной ответственности и локальной идентичности.

Таким образом, отраслевой HR-бренд – это не просто имидж, а стратегический актив, управляющий восприятием рисков, стабильности и престижа работы в отрасли.

## **2. Структурная модель HR-бренда металлургического предприятия**

На основе анализа отраслевой специфики предлагается многоуровневая модель HR-бренда:

- Ядро (ценности-константы): производственная надежность, технологическая дисциплина, безопасность как абсолютный приоритет, профессиональная гордость за результат («сделано в металлургии»).

Внутренний контур (опыт сотрудника):

- Онбординг и наставничество: институт наставничества как ключевой элемент передачи уникальных практических знаний.

- Развитие и карьера: четкие технические и управленческие карьерные траектории, программы непрерывного обучения, в т. ч. в области цифровых компетенций.

- Оценка и вознаграждение: прозрачная система, увязанная с показателями безопасности, качества и эффективности. Социальный пакет, расширенный для условий вредного производства.

- Корпоративная коммуникация: акцент на честности и оперативности, особенно в вопросах, касающихся безопасности и изменений.

Внешний контур (имидж работодателя):

- Цифровое присутствие: активное использование соцсетей и платформ для демонстрации высокотехнологичного, а не только «горячего» производства (виртуальные туры, рассказы о роботах-шахтерах, системах предиктивной аналитики).

- Работа с образовательными учреждениями: создание корпоративных классов, профильных групп в вузах, программ ранней профориентации, стажировок.

- Экологический и социальный нарратив: продвижение истории об «зеленой» металлургии, модернизации, снижении выбросов, поддержке регионов

Критически важным является принцип аутентичности: внешние коммуникации должны на 100% отражать реальный внутренний опыт. Разрыв между обещанием «передовых технологий» и устаревшим оборудованием на участке разрушает доверие мгновенно.

### **3. Практические имплементации и ожидаемые эффекты**

Внедрение системного подхода к HR-брендингу позволяет металлургическому предприятию:

- Снизить кадровые риски: уменьшить добровольную текучесть среди критически важных специалистов (сталевары, rolling mill operators, высококвалифицированные ремонтники).

- Повысить операционную эффективность: вовлеченный и лояльный персонал демонстрирует более высокий уровень ответственности, что ведет к снижению брака, аварийности и непроизводственных потерь.
- Сократить стоимость привлечения: сильный бренд формирует пул лояльных кандидатов и усиливает действие реферальных программ.
- Ускорить цифровую трансформацию: привлекательный образ «технологичного работодателя» облегчает найм специалистов в области цифры, IoT, аналитики.
- Укрепить социальную лицензию на деятельность: позитивный образ работодателя улучшает отношения с местным сообществом и региональными властями.

Инструментами измерения эффективности могут служить как стандартные HR-метрики (eNPS, индекс лояльности, текучесть в ключевых segments, время закрытия вакансий), так и отраслевые показатели (частота инцидентов, связанных с человеческим фактором, активность участия в программах улучшений).

### **Заключение**

Развитие HR-бренда в металлургической отрасли представляет собой сложную, но необходимую стратегическую задачу. Она требует отказа от стереотипного позиционирования в пользу формирования комплексного образа, сочетающего мощь традиционной индустрии с ценностями технологического лидерства, безопасности и заботы о человеке.

Успех в этой области зависит от глубокой интеграции философии бренда во все бизнес-процессы – от производства до коммуникаций, при безусловной поддержке топ-менеджмента. В результате сильный и аутентичный HR-бренд становится не просто инструментом кадровой политики, а фундаментом для построения устойчивой, инновационной и социально ответственной промышленной компании в XXI веке. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на разработке конкретных метрик для оценки влияния силы HR-бренда на операционные и финансовые результаты металлургических предприятий.

## Литература

1. Амстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. – 10-е изд. – СПб.: Питер, 2019. – 848 с.
2. Варданян И.С. Управление человеческими ресурсами в условиях цифровой трансформации промышленности // Вестник университета. – 2021. – № 4. – С. 56-63.
3. Капитонов Э.А., Зульпукаров М.Г. Корпоративная социальная ответственность и репутация работодателя в базовых отраслях промышленности // Социологические исследования. – 2022. – № 8. – С. 70-81.
4. Лебедева Н.А. HR-брендинг: стратегия привлечения и удержания талантов в компании. – М.: Инфра-М, 2020. – 192 с.
5. Мильнер Б.З. Управление знаниями в индустриальной экономике. – М.: Экономика, 2018. – 352 с.
6. Спивак В.А. Корпоративная культура и имидж организации на рынке труда // Управление персоналом. – 2020. – № 5. – С. 34-40.
7. Ulrich D., Brockbank W. The HR Value Proposition. – Boston: Harvard Business Review Press, 2005. – 304 p.
8. Edwards M.R. Employer Branding: Developments and Challenges // The Routledge Companion to Strategic Human Resource Management / ed. by J. Storey et al. – London: Routledge, 2019. – P. 435-452.

## СЕКЦИЯ «ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ»

### УБЕЖДЕНИЕ КАК ВЕДУЩИЙ СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЧНОСТЬ

**Вифлянцева Елизавета Александровна**

студентка,

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,  
Россия, г. Симферополь

***Аннотация.** В статье рассматривается убеждение как ведущий способ воздействия на личность в процессе социального взаимодействия. Раскрывается сущность убеждения, его отличие от других форм психологического влияния, таких как внушение, манипуляция и принуждение.*

***Ключевые слова:** убеждение, психологическое воздействие, личность, социальное взаимодействие, влияние, ценности, установки, критическое мышление.*

В процессе социального взаимодействия люди постоянно оказывают влияние друг на друга. Это влияние может проявляться в различных формах: внушение, подражание, манипуляция, принуждение и убеждение [1]. Среди них особое место занимает убеждение как наиболее гуманистический и эффективный способ воздействия на личность. Убеждение предполагает обращение к сознанию человека, его разуму, ценностям и установкам, способствуя осознанному принятию определённых взглядов, идей или норм поведения [3].

Убеждение – это способ воздействия на личность, который направлен на изменение её взглядов, установок, намерений и желаний. В отличие от внушения, которое воздействует преимущественно на подсознание, убеждение предполагает активную мыслительную деятельность субъекта и его добровольное принятие определённой позиции [2].

Основная цель убеждения заключается в изменении или формировании взглядов, убеждений, установок и ценностных ориентаций личности. При этом человек не просто подчиняется внешнему влиянию, а осознаёт и принимает предложенные идеи как собственные.

Убеждение считается ведущим способом воздействия на личность, поскольку оно способствует развитию критического мышления, самостоятельности и ответственности за собственный выбор. В образовательной практике

убеждение помогает формировать мировоззрение учащихся, моральные принципы и социально одобряемые формы поведения.

В профессиональной деятельности убеждение используется в управлении персоналом, переговорах, консультировании, рекламе и гостеприимстве. В межличностных отношениях оно способствует разрешению конфликтов и достижению взаимопонимания.

Важно отметить, что эффективность убеждения зависит от индивидуальных особенностей личности: уровня интеллекта, жизненного опыта, мотивации, эмоционального состояния и степени доверия к источнику информации [3, 4].

Степень эффективности воздействия убеждением зависит от нескольких факторов:

1. Авторитет убеждающего (лектора перед аудиторией, учителя в глазах учеников и др.), так как чем выше авторитет, тем менее критично воспринимается информация. На этом и основаны некоторые приемы рекламы на радио и телевидении: чтобы сообщение о каком-либо новом виде товаров или услуг было принято с меньшей долей скептицизма и для большей эффективности оно должно быть персонифицировано, вложено в уста конкретного человека, обладающего доверием, престижем и симпатией в глазах аудитории [3].

2. Важную роль играет отношение убеждающего к тому, в чем он хочет убедить. Обязательным является эмоциональное переживание, т. к. чтобы убедить другого, нужно самому глубоко переживать это, и конечно, вера убеждающего в то, о чем он говорит [4].

3. Убеждающий должен чувствовать небольшое психологическое превосходство над убеждаемым [1]. Это чувство возникает в том случае, если говорящий больший специалист, чем его слушатели; если умеет делать то, чем занимается; должен быть знаком с известными людьми, работающим в этой области, хотя это имеет незначительный фактор воздействия.

4. Важным аспектом является уверенность убеждающего в том, что он достигнет цели, т. к. астенические чувства (сомнение, неуверенность) отрицательно воздействуют на эффективность убеждения, парализует силы человека [4]. Объяснением этого является идеомоторный акт – появление нервных импульсов, обеспечивающих действие, как только возникает представление о нем.

5. Необходимо учитывать отношение убеждаемых к убеждающему и тому, в чем их хотят убедить [3]. Здесь большую роль играет предрасположенность (в данном случае конформизм) или сопротивляемость личности (негативизм, предубеждения).

Для большей эффективности программы воздействия должны быть дифференцированы, должны учитывать интересы и взгляды разных людей, не быть стереотипными, т. к. у каждого человека может быть своя точка зрения, недаром говорят «сколько людей – столько мнений».

Требования к убеждению как методу воздействия [1, 3]:

- содержание и форма убеждений должны соответствовать уровню возрастного развития личности, быть понятны и доступны;
- убеждение должно строиться с учётом особенностей человека;
- убеждение должно быть последовательным и логичным;
- убеждение должно содержать как обобщённые положения (принципы и правила), так и конкретные факты, примеры.

Процесс убеждения представляет собой сложное и многоэтапное психологическое явление. Он включает в себя несколько последовательных этапов. На первом этапе происходит привлечение внимания, убеждаемого к сообщаемой информации. Второй этап связан с пониманием содержания сообщения. Третий этап – принятие или непринятие предложенной позиции. Заключительным этапом является закрепление нового взгляда или установки, которое проявляется в изменении поведения или устойчивого отношения к объекту убеждения [3].

В условиях современного общества, характеризующегося информационной насыщенностью, убеждение остаётся важнейшим инструментом конструктивного взаимодействия между людьми. Осознанное использование данного способа воздействия способствует не только эффективной коммуникации, но и гармоничному развитию личности в целом.

Таким образом, убеждение является одним из ведущих и наиболее эффективных способов воздействия на личность, в отличие, например, от принуждения и манипуляции, данный метод основан на обращении к сознанию человека, его разуму и ценностям, что обеспечивает осознанное принятие определённых взглядов и норм поведения.

### Литература

1. Убеждение как метод психологического воздействия // Электронный ресурс: Studfile [сайт]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/1811378/pa/> (дата обращения: 10.12.2025).
2. Убеждение и внушение как основные виды психологического воздействия на человека // Электронный ресурс: Справочник [сайт]. – Режим доступа: [https://spravochnick.ru/psihologiya/ubezhdenie\\_i\\_vnushenie/](https://spravochnick.ru/psihologiya/ubezhdenie_i_vnushenie/) (дата обращения: 15.12.2025).
3. Психология убеждения: теория и практика: учебно-методическое пособие. – Москва: РГГУ, 2018. – 64 с. – Текст: электронный // Российский государственный гуманитарный университет [сайт]. – Режим доступа: <https://www.rsuh.ru/upload/iblock/655/uuk2hi5x3.pdf> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Психологические аспекты убеждающего воздействия // Текст: электронный // Электронный архив Уральского государственного педагогического университета [сайт]. – Режим доступа: [https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/43793/1/ps\\_2008\\_093.pdf](https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/43793/1/ps_2008_093.pdf) (дата обращения: 10.01.2026).

# СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ УСТОЙЧИВОГО ИНТЕРЕСА УЧАЩИХСЯ К ПРЕДМЕТУ ИНФОРМАТИКА

**Воронова Елена Сергеевна**

старший преподаватель,

Сибирский государственный университет водного транспорта,

Россия, г. Новосибирск

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам активизации образовательного процесса и внедрения инновационных методов преподавания предмета «информатика». Рассматриваются современные педагогические практики, направленные на повышение уровня заинтересованности школьников в области информационных технологий. Особое внимание уделено интерактивному обучению, проектной работе и применению цифровых инструментов в учебном процессе.*

*Статья рассматривает современные подходы к формированию устойчивого интереса учащихся к информатике через интеграцию мотивационных стратегий, цифровых технологий и практико-ориентированных методов. Анализируются факторы снижения интереса и эффективность инноваций, таких как gamification, PBL и ИИ-инструменты. Предлагаются рекомендации для педагогов на основе исследований 2020–2025 годов.*

***Ключевые слова:** информационные технологии, инновационное обучение, мотивация учащихся, проектная деятельность, цифровые инструменты, устойчивый интерес, интерес к информатике, gamification, проектное обучение, ИИ в образовании, цифровые платформы, информатизация образования.*

Современное образование ставит перед собой задачу подготовки молодежи к жизни в цифровом обществе, где владение информационными технологиями становится ключевым фактором успеха. Но в условиях цифровизации интерес к информатике как ключевому предмету падает из-за стереотипов о сложности и абстрактности материала, поэтому многие обучающиеся испытывают трудности в понимании значимости этого предмета, что негативно сказывается на уровне успеваемости и дальнейшей профессиональной ориентации. В связи с этим особую важность приобретает разработка эффективных подходов к повышению интереса учащихся к данному предмету, ведь устойчивый интерес – это не сиюминутная мотивация, а долгосрочная вовлеченность, влияющая на выбор профессии. Развитие интереса к учебе невозможно представить без активного включения учеников в образовательный процесс. Именно поэтому создание благоприятных условий для раскрытия творческого потенциала обучающихся и выработка стойкого интереса к дисциплинам информационной направленности является актуальным направлением.

Причины снижения интереса учащихся к предмету «Информатика» разнообразны и часто обусловлены комплексом факторов образовательной среды, особенностями восприятия материала учениками и общим уровнем привлекательности дисциплины. Часто ученики сталкиваются с теоретическими аспектами информатики, и если преподаватель не показывает прямую взаимосвязь изучаемого материала с решением практических задач, у них пропадает понимание важности и полезности полученных знаний [1, с. 180]. Также монотонные объяснения, однотипные задания, отсутствие взаимодействия между преподавателем и учениками воспринимаются обучающимися как скучные и утомительные, особенно учитывая многообразие увлекательных способов изучения ИТ-технологий, доступных во внеурочной среде. Кроме этого, ученики редко задумываются о прямой связи между знаниями, получаемыми на уроках информатики, и своими карьерными планами, что теряет для них стимул углубляться в изучение дисциплины. В дополнение родители и общество иногда недооценивают значимость курса информатики, воспринимая его как второстепенный или необязательный предмет. Такая позиция взрослых влияет на восприятие молодых людей ценности учебы и снижает мотивацию к приобретению глубоких знаний.

Для эффективного преодоления указанных проблем важно уделять особое внимание обновлению оборудования, индивидуализации учебного процесса, разработке интересных методических материалов, и вовлеченности самих учеников в активную работу над проектами и исследовательскими заданиями. Важнейшей составляющей успешной реализации программы по информатике является внедрение современных форм учебных занятий. Это могут быть интерактивные лекции, квесты, игровые элементы, лабораторные занятия с использованием виртуальных сред моделирования и симуляции. Использование игровых элементов, таких как очки, уровни, баллы, позволяет ученикам почувствовать себя исследователями, разработчиками или даже предпринимателями, что способствует развитию креативности и самостоятельности [2, с. 92].

Одним из ярких приемов достижения эмоциональной вовлеченности является начало урока с так называемого «вау-эффекта». Он представляет собой ситуацию, событие или действие, которое вызывает сильное удивление, восхищение и яркие эмоции у учащихся. Благодаря этому эффекту удастся привлечь внимание всей аудитории, вызвать любопытство и повысить общую активность классного коллектива. Главное правило «вау-эффекта»: начинайте урок с неожиданного и интересного события, чтобы пробудить сильные положительные эмоции у учеников и настроить их на продуктивную учебу. Эмоциональная вовлеченность формирует устойчивые ассоциации и запоминание ключевых моментов урока, повышая качество освоения знаний и формируя глубокий интерес к информатике.

Проектная форма организации учебного процесса также играет важную роль в формировании устойчивых профессиональных компетенций и способностей самостоятельно находить решения поставленных задач. Ученик получает возможность реализовать собственные идеи, проявить инициативу и ответственность, увидеть реальные плоды своего труда. А применение принципа релевантности означает создание ситуаций, в которых содержание учебного материала непосредственно связано с жизненными реалиями и будущими профессиональными потребностями учеников, что предполагает демонстрацию практической применимости изучаемых концепций и техник. Чем ближе будут задачи, решаемые на уроках, к актуальным проблемам современности, тем сильнее мотивация учащихся, тем легче достигается глубокое усвоение материала и формируется устойчивый интерес к информатике. Кроме этого, участие в конкурсах проектов и олимпиадах дополнительно стимулирует желание глубже изучать предмет.

Также методом, при котором учащиеся активно участвуют в поиске решений реальных проблем, возникающих в условиях повседневной жизни или профессиональной деятельности, является проблемно-ориентированное обучение. Этот подход отличается от традиционного лекционного метода тем, что учащиеся учатся не пассивно воспринимать готовую информацию, а активно

исследовать проблему, анализировать возможные варианты действий и приходиться к собственным выводам. При применении такого обучения повышается мотивация учащихся благодаря решению актуальной и интересной задачи, ученики приобретают умение работать в команде, вести переговоры и разрешать конфликты, улучшаются коммуникативные навыки, развивается способность ясно выражать мысли устно и письменно, что способствует лучшему пониманию сложных понятий и механизмов, используемых в реальных ситуациях.

Сегодня цифровые образовательные ресурсы становятся важным инструментом развития современного образования. Их использование помогает сделать учебный материал нагляднее, доступнее и интереснее. Например, специализированные онлайн-платформы позволяют учащимся совершенствовать навыки программирования, создавать проекты на реальных языках программирования и решать практические задачи.

Таким образом, эффективность образовательных мероприятий напрямую зависит от готовности педагогов внедрять новые подходы и формировать привлекательную учебную среду, способствующую личностному росту каждого ученика.

Формирование устойчивого интереса к изучению информатики требует комплексного подхода, включающего разработку новых методик преподавания, применение интерактивных технологий и организацию проектной деятельности. Регулярное обновление содержания курсов, широкое привлечение цифровых инструментов и развитие творческих способностей учащихся способствуют подготовке будущих профессионалов в любой сфере, готовых успешно адаптироваться к быстро меняющимся условиям современной экономики.

#### **Литература**

1. Литвинов В.А. О повышении мотивации к обучению информатике // Вестник УЮИ. – 2020. – №2 (88). – С. 179-184.
2. Сиденко А.Г. Использование стратегий геймификации для мотивации школьников обучению информатике // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. – 2020. – №1 (51). – С. 92-94.

# НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ МЕЛКОЙ МОТОРИКИ У ДЕТЕЙ С УМЕРЕННОЙ, ТЯЖЁЛОЙ И ГЛУБОКОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ (ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ), ТЯЖЁЛЫМИ И МНОЖЕСТВЕННЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ

**Галкина Светлана Сергеевна**

учитель-логопед,

ОКОУ «Школа-интернат для детей с ОВЗ № 5», Россия, г. Курск

**Гребенькова Ольга Васильевна**

учитель начальных классов,

ОКОУ «Школа-интернат для детей с ОВЗ № 5», Россия, г. Курск

***Аннотация.** В статье описывается опыт работы учителя с инновационными подходами к формированию мелкой моторики у обучающихся с особенностями развития; на каких принципах строиться практическая работа; как организовывается занятие и какие используются нетрадиционные техники для проведения коррекционно-развивающих занятий.*

***Ключевые слова:** особые образовательные потребности, обучающиеся с умеренной, тяжёлой и глубокой умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями), тяжёлые и множественные нарушения развития, ТНМР, мелкая моторика, принципы практической работы, нетрадиционные техники.*

*«Ребёнок, развитие которого осложнено дефектом, не просто менее развит, чем его сверстник, он развит иначе».*

*Л. С. Выготский*

Обучающиеся с умеренной, тяжёлой и глубокой умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями), тяжёлыми и множественными нарушениями развития часто сталкиваются с трудностями в освоении навыков, требующих тонких и дифференцированных движений, таких как удержание карандаша, кисти, застёгивание пуговиц и другие.

У обучающихся такой категории детей, а именно, с особыми образовательными потребностями мелкая моторика рук характеризуется рядом особенностей: скованностью движений и замедленным их темпом; неловкостью, угловатостью; отсутствием гибкости и плавности; недостаточностью мышечной силы и ритма произвольных движений; отсутствием направленности на результат; нарушением координации движений; гиперкинезией, синкинезией, тремором.

В своей работе с обучающимися класса особое внимание уделяю развитию мелкой моторики, так как это важно не только для их полноценного развития, но и для выполнения повседневных заданий, таких как навыки самообслуживания. Координированные движения мышц пальцев и кистей рук помогают улучшить моторику и навыки ребёнка, что в свою очередь даёт ему возможность стать более независимым и самостоятельным в повседневной жизни.

Мелкая моторика – это сложная комбинация координированных действий между нервной, мышечной и костной системами, при выполнении точных движений кистями и пальцами рук и ног, ко всему этому добавляется зрительная система. Массаж, рисование и лепка, пальчиковые игры и игры с мелкими предметами помогают развивать мелкую моторику у обучающихся.

Мною были изучены личные дела обучающихся, проведены беседы и консультации с родителями, отобраны и апробированы педагогические методики, способствующие развитию мелкой моторики рук у детей с ТМНР.

При проведении занятия, направленных на развитие мелкой моторики у детей с нарушениями интеллекта в своей деятельности я придерживаюсь следующих принципов: принцип единства диагностики и коррекции; принцип системности и последовательности; принцип компенсации (опора на сохранённые психические процессы); принцип доступности материала.

Работа по развитию мелкой моторики должна проводиться регулярно и включать в различные виды занятий. Задания предлагаю детям от простого к сложному. Для начала предлагаю ребёнку понаблюдать за действиями педагога, затем постепенно привлекаю его к выполнению упражнений. Позже ребёнок сможет перейти к выполнению упражнений по образцу и по моей словесной инструкции.

На своих занятиях я использую традиционные, здоровьесберегающие и нетрадиционные методы развития мелкой моторики. Приведу некоторые примеры использования нетрадиционных методов развития мелкой моторики, которые апробированы мной с обучающимися моего класса.

Массажные техники: (массаж шишками, массаж грецкими орехами, массаж карандашами, техника Су-Джок). Массаж (поглаживание, потирание, сгибание и разгибание пальчиков) и самомассаж пальцев и кистей рук (ладоней и пальцев горохом, фасолью, шестигранным карандашом).

Пальчиковую гимнастику считаю универсальным и дидактическим средством развития мелкой моторики кисти и пальцев рук. Выполняя пальчиками различные упражнения, обучающиеся развивают мелкие движения рук, благодаря чему пальцы и кисти приобретают хорошую подвижность, гибкость, исчезает скованность движений: например, «Дождик» – барабанить пальцами обеих рук по столу; «Пальчики здороваются» – соединять кончики пальцев обеих рук по очереди; «Кулак-ребро-ладонь» – выполнение движений одной рукой, а потом вместе; «Распускается цветок» – поочередно выпрямлять пальцы из сжатого кулака; «Пальчики бегут» – ходьба и бег указательного и среднего пальцев и др.

Пальчиковые упражнения с использованием различных предметов и материалов.

Игры с сыпучими материалами, такими как песок, крупы, макароны, фасоль, горох и другими сыпучими материалами активно развивают мелкую моторику. Примеры упражнений, которые я использую: массаж рук – ребёнок катает грецкий орех между ладонями или «мешает тесто», погружая руки в кастрюлю с горохом или фасолью; переключивание – ребёнку нужно пересыпать манку (любую другую крупу, измельчённые ракушки или песок) из кувшина в бутылку с воронкой, фасолины – в бутылку с узким горлом с помощью «пинцетного» захвата тремя пальцами; просеивание – используется мелкий сыпучий материал: манка, греча, рис; поиски клада – в глубокую миску с крупой прячу мелкие предметы (теннисные мячики, деревянные бусины, детали пазлов, цифры, буквы, мелкие фигуры животных, т. е. предметы, изучаемые по программе в том или ином классе), которые нужно найти; рисование на манке или песке – на поднос насыпаю слой манки толщиной 2-3 мм, и ребёнок оставляет отпечатки пальчиков, ладошек или предметов (например,

маленького массажного мячика); насыпные аппликации – из крупы, фасоли или макарон обучающимся предлагается выложить дорожки, цветы, листья и другие фигуры; работа с пластилином и пластилинография.

Лепка из пластилина развивает силу рук, согласованность движений и дифференцировку движений пальцев. Пластилинография – нетрадиционная техника лепки, при которой пластилином создают лепные картины на горизонтальной поверхности.

Виды пластилинографии, которые выполняют дети:

1. Прямая – здесь нужно скатать детали объёмной формы (шарик, колбаску), расположить их на поверхности и расплющить;
2. Контурная – обучающиеся по контуру изображения выкладывают «жгутики» из пластилина;
3. Мозаичная – на контур рисунка последовательно выкладывают шарики из пластилина.

Во время работы с пластилином я использую приёмы: разминание, раскатывание, сплющивание, прищипывание, оттягивание, заглаживание.

Нетрадиционные техники рисования также очень нравятся обучающимся, потому как это непривычные, более иные техники, которые заинтересовывает их: рисование пальчиками, ладошками, тычком жёсткой полусухой кистью, оттисками пробок, поролона или смятой бумаги, восковыми мелками с акварелью, свечой с акварелью, монотипия, набрызг, отпечатки листьев – эти и другие техники помогают развивать мелкую моторику и творческие способности. Также можно рисовать на снегу, асфальте, запотевшем окне.

Игры с водой способствуют релаксации, развитию эмоциональной сферы и мелкой моторики. Примеры упражнений: переливание воды из одной ёмкости в другую; «ловить рыбок» удочкой; наполнять водой ёмкости разного размера и формы.

Для развития моторики применяю и бытовые предметы, и специальное оборудование, т. е. использую нестандартное оборудование: это могут быть массажные мячики, эспандеры, бельевые прищепки, зубные щётки, крупные

бигуди (металлические, деревянные, гладкие, рельефные и т. д.), шестигранные карандаши, поролон, пластиковые вилки, пористые полиэтиленовые пакеты и мн. др.

Например, упражнение «Ёжик» с применением массажных мячиков: ребёнок катает мячик между ладоней; упражнение «Тесто», где необходимо поочередно сжимать эспандер в правой и левой руке; упражнение «Лиса»: ритмичное открывание и закрывание прищепки по ходу проговаривания текста; круговые движения зубной щёткой по ладоней; катание между ладоней вперёд-назад бигуди; массаж рук с помощью шестигранных карандашей с проговариванием стихотворных рифмовок.

Аппликация с использованием нетрадиционных материалов (использование необычных материалов и способов работы). Например, можно создавать аппликации из засушенных растений (флористика), ниток, полосок бумаги, с использованием техники обрывания.

При работе с обучающимися с ТМНР придерживаюсь общих рекомендаций: начинаю занятия с элементов массажа и самомассажа кистей и пальцев рук; даю задания от простого к сложному, постепенно усложняя их; проговариваю все действия, даже если у ребёнка есть нарушения слуха; на первых этапах обучения даю возможность наблюдать за моими действиями, а затем привлекаю к совместным действиям, потом – к подражанию, далее – к работе по образцу и словесной инструкции; обязательно учитываю индивидуальные особенности и возможности детей, подбираю задания не по возрасту, а по уровню их развития; дозирую все задания, постепенно увеличивая продолжительность занятий и количество повторений; постоянно поощряю ребёнка, хвалю за успехи.

Занятия проходят в игровой форме, что доставляет обучающимся радость и заинтересовывает их для дальнейшей продолжительной работе, а также в положительном результате.

Особый интерес массажные упражнения вызывают у детей, если их выполнение сочетается с проговариванием коротких стихотворений и рифмовок.

Упражнения с карандашами: «Утюжок» – ребёнок катает карандаш по столу; «Добываем огонь» – ребёнок кладёт карандаш между ладоней и катает его; «Вертолёт» – ребёнок берёт карандаш двумя пальцами (большим и указательным) и вращает его. Затем меняет пары пальцев (большой-средний, большой-безымянный, большой-мизинец); «Подъёмный кран» – ребёнок поднимает карандаш со стола двумя пальцами (большой и указательный), затем меняет пары пальцев; «Качалочка» – ребёнок зажимает карандаш между большим и указательным пальцами и качает из стороны в сторону.

Упражнения с природным материалом: «Покрути шишку» – ребёнок берёт сосновую шишку и кладёт её между ладоней. Прошу ребёнка покрутить шишку (как колесо) в разных направлениях примерно 2-3 минуты; «Пересыпь орешки» – прошу ребёнка пересыпать горсточку фундука из одной руки в другую. Длительность выполнения упражнения 1-2 минуты; «Зёрнышки» – для данного упражнения использую самые разные крупы: гречиху, рис, пшено и др. Предлагаю сжать зёрна в кулачке, пересыпать их из одной руки в другую, перемешать в глубокой миске и т. п. Длительность выполнения каждого упражнения 3 минуты; «Рисование на крупе» – для упражнения требуется поднос с крупой. Беру в свою руку палец ребёнка и провожу им по крупе, изображая линии, простые фигуры. Затем ребёнок выполняет задание самостоятельно, рисунок постепенно усложняется; «Баночки с крупами» – для упражнения использую баночки с разными крупами (гречиха, рис, пшено, манка). Предлагаю обучающимся по очереди опускать руку в каждую банку и ощупать разные крупинки. Затем задачу усложняю, закапываю в крупу какой-нибудь мелкий предмет и даю баночку поочередно каждому ребёнку, чтобы они нашли предметы.

Упражнения с предметами: «Волшебная шкатулка» – складываю различные не крупные предметы в шкатулку и прошу вместе разобрать вещи и разложить их по разным коробкам; «Бусы» – для упражнения предлагаю бусины и шнурок или верёвочку, а затем предлагаю собрать бусы; «Шнуровка» – ребёнок зашнуровывает ботинки, кеды и другие различные предметы;

растёгивание и застёгивание различных замков (молний, липучек, кнопок, пуговиц и т. д.); игры с прищепками – на растянутую верёвку дети цепляют прищепки. Это упражнение провожу также в ходе сюжетной игры «Стирка».

Таким образом, занятия для развития активности мелких мышц имеют огромное значение в общем развитии обучающихся с умеренной, тяжёлой и глубокой умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями), тяжёлыми и множественными нарушениями развития. Их роль в формировании основных навыков, которые ребёнок приобретает за короткий срок, очень велика. Играя с пальчиками, дети учатся запоминать последовательность движений и положение рук. Если занятия проводить в сопровождении ритмичных стихотворений, у них развивается память, текст запоминается гораздо быстрее. Развивая гибкость и силу пальчиков в упражнениях, ребёнок успешнее овладевает ручной умелостью, бытовыми навыками по самообслуживанию (шнурование обуви, застёгивание пуговиц и др.), что в дальнейшем будет способствовать успешной социализации в общество.

Используя в своей работе нетрадиционные методы развития мелкой моторики у обучающихся с у/о (и/н), ТМНР тесно взаимодействую со специалистами школы – интерната (логопеды, дефектологи, психологи), это позволяет эффективно решать задачи комплексного сопровождения детей. Развитие мелкой моторики и координации движений рук провожу в доступной игровой форме, без скуки и переутомления. Такие занятия развивают у детей тонкие, контролируемые движения рук, обогащают кругозор и словарный запас, а также улучшают эмоциональный фон и контакт с педагогами. Такой подход помогает обучающимся с ограниченными возможностями здоровья преодолевать трудности и достигать оптимального развития.

### **Литература**

1. Бгажнокова И.М. Программы и перспективы развития коррекционной помощи детям с интеллектуальной недостаточностью [Текст] / И.М. Бгажнокова // Дефектология. – 1994. – № 1. – С. 11-18.
2. Гареев Н. Коррекция развития мелкой моторики и осязания у детей с особыми образовательными потребностями. // Дошкольное воспитание, 2002 г., № 6, С. 75-79.
3. Белая А.Е., Мирясова В.И. Пальчиковые игры для развития речи дошкольников: Пособие для родителей и педагогов: – М: Издательство АСТ, 1989.

4. Большакова С.Е. Формирование мелкой моторики рук. Игры и упражнения. М.: ТЦ Сфера, 2018.
5. Венгер Л.А. «Воспитание сенсорной культуры ребёнка от рождения до 6 лет». М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2019.
6. Гараев Н. Коррекция развития мелкой моторики и осязания у детей с особыми образовательными потребностями. // Дошкольное воспитание, 2002 г., № 6, С. 75-79.
7. Смирнова Е.А. Система развития мелкой моторики у детей дошкольного возраста. СПб.: Детство-Пресс, 2018.
8. Тимофеева Е.Ю., Чернова Е.И. «Пальчиковые шаги. Упражнения на развитие мелкой моторики». 2-е изд. СПб.: Корона-Век, 2017.
9. Тищенко Л.И. «Развитие мелкой моторики детей дошкольного возраста». Образовательные проекты «Совёнок» для дошкольников, 2019, № 12.
10. Осмонова Г.А. «Новые игры с пальчиками для развития мелкой моторики. Карточка пальчиковых игр». СПб.: КАРО, 2014.
11. Рузанова Ю.В. Развитие моторики рук у дошкольников в нетрадиционной изобразительной деятельности: техники выполнения работ, планирование, упражнения для физкультминуток. СПб.: КАРО, 2009.

# САМООЦЕНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ С РАЗНОЙ МОТИВАЦИЕЙ УЧЕНИЯ

**Головаш Василий Николаевич**

студент,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, г. Белгород

*Научный руководитель – доцент кафедры возрастной и социальной психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат социологических наук Зиборова Елена Игоревна*

**Аннотация.** В статье анализируются результаты эмпирического исследования самооценки интеллектуального развития старшеклассников ( $n=20$ ) с различными типами учебной мотивации. Автором выявлена взаимосвязь между направленностью мотивационной сферы и адекватностью восприятия собственных когнитивных способностей. В работе применялись методика Дембо-Рубинштейн и опросник учебной мотивации. Результаты показывают, что внутренняя мотивация коррелирует с более устойчивой и объективной самооценкой, в то время как внешняя мотивация способствует формированию неустойчивого образа интеллектуального «Я».

**Ключевые слова:** самооценка, интеллект, старший школьный возраст, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, учебная деятельность.

Проблема самосознания в старшем школьном возрасте является одной из центральных в психологии развития [1]. В этот период старшеклассник сталкивается с необходимостью профессионального самоопределения, что требует от него четкого понимания своих интеллектуальных ресурсов. Самооценка интеллектуального развития выступает не только как отражение прошлых успехов, но и как регулятор будущих достижений [4].

Особую роль в формировании этой самооценки играет мотивация учения. Согласно концепции Т. О. Гордеевой, мотивация определяет качество вовлеченности в деятельность и способ интерпретации собственных успехов и неудач [3]. Учащиеся с разной мотивационной направленностью могут по-разному оценивать один и тот же уровень интеллектуальных способностей.

В исследовании приняли участие 20 учащихся 10-11 классов в возрасте 16-17 лет.

Для сбора данных были использованы следующие методики:

1. Методика диагностики учебной мотивации школьников

М. В. Матюхиной (адаптация Н. Ц. Бадмаевой).

2. Методика измерения самооценки и уровня притязаний Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан.

3. Качественный анализ академической успеваемости.

На первом этапе испытуемые были разделены на две группы по доминирующему типу мотивации. Распределение представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение старшеклассников по ведущему типу учебной мотивации (n=20)

Тип мотивации	Количество учащихся (чел.)	Процентное соотношение (%)
Внутренняя (познавательная, саморазвитие)	12	60
Внешняя (социальная, престиж, избегание)	8	40

Анализ данных по методике Дембо-Рубинштейн позволил выявить уровни самооценки по шкале «Интеллект/Способности» (табл. 2).

Таблица 2

Уровни самооценки интеллектуального развития в группах с разной мотивацией

Группа учащихся	Адекватная самооценка	Завышенная самооценка	Заниженная самооценка
Внутренняя мотивация (n=12)	9 (75%)	2 (16,7%)	1 (8,3%)
Внешняя мотивация (n=8)	3 (37,5%)	4 (50%)	1 (12,5%)

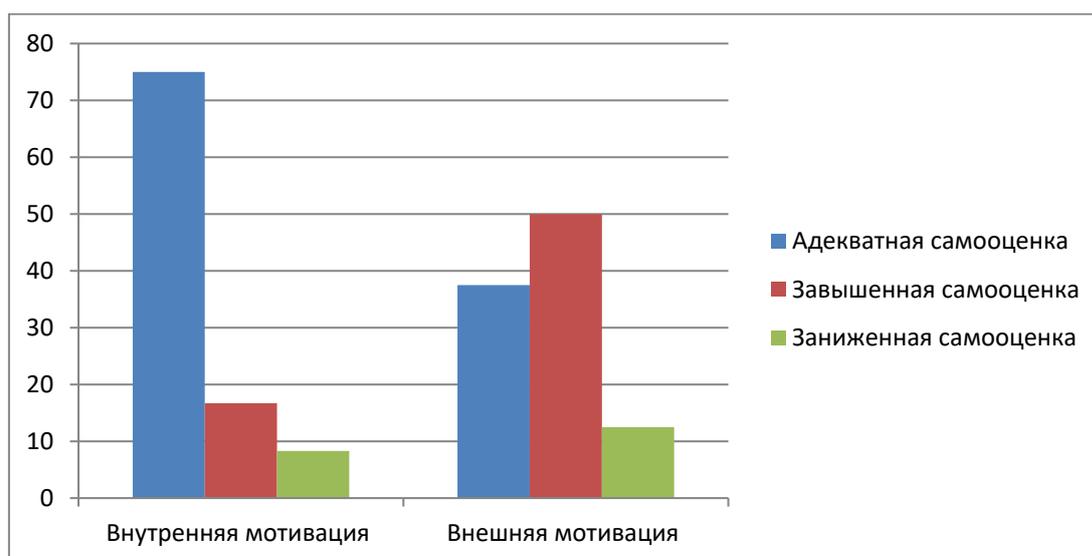


Рис. Сравнительный анализ уровней самооценки в двух группах

Видно, что в группе с внешней мотивацией доминирует завышенная

самооценка, что свидетельствует о компенсаторном характере самовосприятия.

Как отмечают исследователи, учащиеся с внутренней мотивацией более глубоко погружены в процесс познания, что позволяет им получать более объективную обратную связь о своих способностях [6]. В нашем исследовании 75% таких учащихся продемонстрировали адекватную самооценку, коррелирующую с их реальной успеваемостью (средний балл 4.2–4.8).

Напротив, у учащихся с внешней мотивацией (ориентация на оценки и мнение окружающих) в 50% случаев наблюдается завышенная самооценка интеллектуального развития. Это может быть связано с защитным механизмом личности – потребностью продемонстрировать высокий социальный статус через декларирование высоких способностей при отсутствии реальной познавательной активности [2, с. 112].

Для того, чтобы сопоставить уровень субъективной самооценки интеллекта и объективной успеваемости мы переведем показатели методики Дембо-Рубинштейн в баллы (от 1 до 100) и сравним их со средним баллом успеваемости по 5-балльной системе.

Ниже представлена сводная таблица по всем 20 испытуемым, разделенным на две группы по типу мотивации.

Таблица 3

**Сопоставление субъективной самооценки интеллекта и объективной успеваемости (n=20)**

№ п/п	Тип мотивации	Самооценка интеллекта (баллы 0–100)	Средний балл успеваемости	Характер соотношения
Группа 1	Внутренняя			
1	Внутренняя	85	4,8	Адекватная
2	Внутренняя	78	4,5	Адекватная
3	Внутренняя	92	5,0	Адекватная
4	Внутренняя	65	4,1	Адекватная
5	Внутренняя	80	4,6	Адекватная
6	Внутренняя	45	3,6	Адекватная (критичная)
7	Внутренняя	88	4,7	Адекватная
8	Внутренняя	70	4,2	Адекватная
9	Внутренняя	95	4,9	Адекватная
10	Внутренняя	35	3,4	Заниженная
11	Внутренняя	82	4,3	Завышенная (незначительно)

№ п/п	Тип мотивации	Самооценка интеллекта (баллы 0–100)	Средний балл успеваемости	Характер соотношения
12	Внутренняя	74	4,4	Адекватная
Группа 2	Внешняя			
13	Внешняя	95	3,8	Завышенная (неадекватная)
14	Внешняя	90	3,6	Завышенная (неадекватная)
15	Внешняя	40	3,5	Адекватная
16	Внешняя	85	3,4	Завышенная (неадекватная)
17	Внешняя	30	3,8	Заниженная (тревожная)
18	Внешняя	98	4,0	Завышенная (неадекватная)
19	Внешняя	60	3,7	Адекватная
20	Внешняя	55	3,2	Адекватная

Анализ данных таблицы 3:

1. Группа внутренней мотивации (1–12). Наблюдается высокая линейная зависимость. Учащиеся, имеющие высокий средний балл (4.5–5.0), оценивают свой интеллект в диапазоне 78–95 баллов. Это свидетельствует о рефлексивности – способности школьника точно соотносить свои усилия, способности и результат. Среднее отклонение субъективной оценки от объективной реальности минимально.

2. Группа внешней мотивации (13–20). Наблюдается резкий диссонанс.

У испытуемых № 13, 14, 16 и 18 выявлена компенсаторная самооценка: при среднем балле 3.4–3.8 они оценивают свой интеллект на уровне 85–98 баллов. Это подтверждает гипотезу о том, что при внешней мотивации интеллект воспринимается как «статусный атрибут», который ученик приписывает себе вопреки реальным достижениям.

Испытуемый № 17 демонстрирует заниженную самооценку (3 балла) при вполне удовлетворительной успеваемости (3.8). Это характерно для мотивации «избегания неудач», где страх оценки со стороны значимых взрослых блокирует веру в собственные интеллектуальные силы.

Таким образом, сопоставив данные субъективной самооценки интеллекта и объективной успеваемости мы пришли к выводу, что внутренняя

мотивация выступает гарантом формирования реалистичного самосознания, в то время как внешняя мотивация в 50% случаев (4 человека из 8) приводит к значительному искажению восприятия собственного когнитивного потенциала [8].

Интересно заметить, что уровень притязаний (тот уровень интеллекта, который ученик хотел бы иметь) у внутренне мотивированных школьников носит более реалистичный характер. Они осознают, что интеллект – это динамическая структура, развивающаяся в труде [5].

Результаты исследования подтверждают, что учебная мотивация является важным фактором формирования интеллектуальной самооценки старшеклассников. Учащиеся, ориентированные на получение знаний (внутренняя мотивация), обладают более точными и рефлексивными представлениями о своих когнитивных возможностях. Учащиеся, ориентированные на внешние атрибуты успеха, склонны к искажению самовосприятия.

Полученные выводы могут быть использованы школьными психологами для коррекции уровня притязаний учащихся в период подготовки к ЕГЭ и профессионального выбора [7].

### Литература

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология. Учебное пособие для вузов. – М. Академический проект, 2010. – 623 с.
2. Ананьев Б.Г. К психологии самопознания человека // Избранные психологические труды. – М. Педагогика, 1980. – С. 103-124.
3. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. – М. Смысл, 2006. – 332 с.
4. Захарова А.В. Генезис самооценки. Автореф. дис. докт. психол. наук. – М., 1989. – 44 с.
5. Кон И.С. Психология ранней юности. – М. Просвещение, 1989. – 255 с.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М. Смысл, 2005. – 352 с.
7. Прихожан А.М. Психология тревожности. Дошкольный и школьный возраст. – СПб. Питер, 2009. – 192 с.
8. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – СПб. Питер, 2003. – 860 с.

## ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В СОЗНАНИИ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ

**Чикова Наталья Владимировна**

студентка, Удмуртский государственный университет, Россия, г. Ижевск

*Научный руководитель – профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета, доктор психологических наук Баранов Александр Аркадьевич*

***Аннотация.** В статье рассматриваются типовые структуры образов «плохого», «идеального» и «типичного» политического лидера в сознании учащихся старших классов. Исследование проведено методом СОЧ (и).*

***Ключевые слова:** образ власти, социально-перцептивные образы, политическая психология, иерархическая структура образа, метод СОЧ(и).*

Современные старшие подростки растут в условиях с одной стороны от-носительного политического и экономического спокойствия (они не пережи-вают таких экзистенциальных кризисов какими был 1991 или 1993 годы), с другой стороны в условиях открытого и целенаправленного формирования картины мира подрастающего поколения со стороны государства. Изменению подверглись все школьные предметы, носящие мировоззренческие функции – история, обществознание, литература. Появились новые дисциплины, направ-ленные на формирование патриотизма и гражданственности – «Разговоры о важном», «Россия – мои горизонты». Изменения, направлены на воспитание любви и уважения к Родине. Однако, очень часто слова Родина и слова власть у нас не разделяются. Общим местом в российской политической психологии является утверждение о персонификации политических институтов, полити-ческих процессов. В силу этой особенности российской политической куль-туры образ политического лидера является «сигнальной» системой, позволя-ющей увидеть отношение подростков к происходящему в стране, их оценку политической власти и политического курса, запросы на будущее.

В российской науке исследования в области политической психологии активно проводятся с начала 90-х годов XX века. Интерес к политической пси-хологии в нашей стране был во многом связан с глобальной трансформацией

политической системы и политического сознания, которая произошла с середины 80-х годов XX века.

За последнее время вышли фундаментальные работы, сборники статей, посвященные политической психологии [6, 7]. Политические образы исследуют в рамках психосемантического подхода В. Ф. Петренко, В. С. Собакин и др. [5].

Изучить представления детей о политической жизни довольно проблематично. Отвечая на прямые вопросы, дети, как правило, воспроизводят кальку учебных материалов, или стремятся «попасть в кодификатор» для сдачи ЕГЭ по обществознанию. Поэтому для изучения образов политических лидеров, как неотъемлемой части политического сознания эффективным будет использование методов психологии, в которых нет идеологических подтекстов.

Каждое поколение специфично в своём понимании окружающей его действительности, отношении к миру, государству, власти. «Ядро поколенческого сознания той или иной группы составляют присущие ей установки, ценности, нормы, стереотипы, образцы поведения, которые объединяются общим понятием «картина мира» и обуславливаются событийным контекстом процесса социализации представителей определённого поколения» [2, с. 43].

Образ власти складывается не только в контексте современных событий, но и на основе национальной политической культуры, архетипов массового сознания. Поэтому кроме поколенческих различий, есть и характерные для большинства общие структурные и содержательные компоненты.

Статья посвящена именно субъективно – типические особенностям отражения политических лидеров в сознании старшеклассников, мы не говорим об так называемом «объективном представлении».

Целью исследования является выявление и анализ типовых структур образов «плохого», «идеального» и «типичного» политических лидеров в сознании учащихся старших классов. Перед автором стояли задачи выявить иерархическую структуру образа «плохого», «типичного» и «идеального»

политических лидеров и в рамках контент – анализа определить содержательный компонент этих образов.

Рассматривая проблему образа политического лидера в сознании старшеклассников, мы исходили из предположения о наличии в сознании трёх эталонных типов политического лидера – «типичного», «плохого», «идеального». При этом «типичный» лидер – это собирательный образ политика здесь и сейчас, во всём его многообразии, «идеальный» – это некий запрос, возможно и электоральный на будущее, «плохой» – свидетельствует о тех недостатках политических лидеров, которые видят старшеклассники.

Исследование «образа политического лидера» проводилось на основе метода СОЧ(и) [3]. Метод был разработан В. Л. Ситниковым и включает в себя вербальную часть – тест «20 высказываний» (М. Кун и Т. Макпартлэнд) и невербальную – «Психогометрический тест» (С. Делингер, 1978 г.).

В исследовании принимали участие 30 детей из 10-11 классов. Дети были разделены на возрастные группы – 15 десятиклассников и 15 одиннадцатиклассников. Респондентом предлагалось написать 20 характеристик «плохого», «типичного» и «идеального» политика. Сразу же после 20 характеристик, предлагалось ранжировать геометрические фигуры, расставив приоритеты 1 – наиболее соответствующая, 5 – наименее соответствующая [3, с. 133].

Под образом политического лидера мы будем понимать совокупность всех житейских и научных представлений о политическом лидере, а также комплекс всех социальных установок относительно политического лидера, формирующихся в сознании человека в процессе жизнедеятельности.

### **Структура образа политического лидера**

Структурный анализ образов политических лидеров, показывает, что первые ранговые места занимают социальные и конвенциональные характеристики лидеров (табл. 1). С учётом того, что одно определение может маркироваться несколькими характеристиками, необходимо заметить, что социальные характеристики часто бывают одновременно и конвенциональными. Например, такие негативные характеристики как вор, коррупционер входят в обе категории. Для старшеклассников, в силу возрастных особенностей, важно

определить политического лидера к конкретной категории – дать ему конвенциональную характеристику.

Таблица 1

**Структура образа «типичного», «плохого» и «идеального» политика**

Учащиеся	Оценочная категория	В	Д	И	П	С	Т	Э	К	М
10 класс	«типичный» политический лидер	5	3	2	4	1	4	6	1	7
	«плохой» политический лидер	5	3	6	7	1	4	8	2	9
	«идеальный» политический лидер	4	3	2	6	1	5	8	2	7
11 класс	«типичный» политический лидер	3	2	5	4	1	6	7	1	8
	«плохой» политический лидер	6	3	4	5	1	7	7	2	11
	«идеальный» политический лидер	6	5	3	4	1	9	7	2	8

Здесь и далее в таблицах приняты следующие условные обозначения характеристик: в – волевые; д – деятельностные; и – интеллектуальные; п – поведенческие; с – социальные; т – телесные; э – эмоциональные; к – конвенциональные; м – метафорические; (+) –.

Политический лидер, являясь актором политического процесса, отражается в сознании в первую очередь еще и как субъект взаимодействия и профессиональной деятельности. Конвенциональные, социальные и деятельностные характеристики подчёркивают значимые качества образа политического лидера, носят часто оценочный, эмоциональный характер.

При анализе средних значений (табл. 2) мы видим, что при одинаковых ранговых показателях у учеников 10 и 11 классов, средние показатели значительно отличаются, у 11 класса они выше практически по всем параметрам. Исключение здесь – телесные характеристики.

Таблица 2

**Структура образа «типичного», «плохого» и «идеального» политика**

Характеристика	в	д	и	п	с	т	э	к	м
10 класс									
типичный	2,2	3	3,66	2,8	6,73	2,8	1,060	6,86	0,6
плохой	2,46	5,06	2,13	1,93	8,07	2,86	1,660	6	0,86
идеальный	3	3,26	4,26	1,33	6,33	1,86	0,260	5,8	0,8
11 класс									
типичный	3,8	5,7	3	3,4	11,26	0,93	1,73	11,06	0,66
плохой	2,6	7,26	3,66	3,4	11,53	1,33	1,330	8,8	0,73
идеальный	3,26	3,66	4,86	4,2	11,53	0,6	1,060	9,73	0,93

Самые высокие показатели у социальных, конвенциональных и деятельностных характеристик, именно они наиболее «чувствительны» к распределению по типам политических лидеров, следовательно, являются наиболее важными. Что подтверждают данные стандартного отклонения (табл. 3).

Таблица 3

**Стандартные отклонения образа «типичного», «плохого» и «идеального» политика**

Характеристики	В	Д	И	П	С	Т	Э	К	М
Стандартное отклонение ( $\sigma$ )	0.586	1.656	0.954	1.057	2.478	0.950	0.534	2.150	0.124

Для подростка важно определить образ в рамках принадлежности, и эта принадлежность в первую очередь определяется общественной значимостью, отсюда и большое количество конвенциональных, социальных и деятельностных характеристик.

Анализируя содержательный компонент образа политического лидера необходимо учитывать специфику политического восприятия. Во-первых, направленность восприятия не столько на отражение объективной действительности, сколько на смысловые и оценочные интерпретации политической власти и лидеров. Во-вторых, политическое восприятие отличается большой слитностью когнитивных и эмоциональных компонентов перцепции. В-третьих – является опосредованным, в нашем случае ведущий канал получения информации – социальные сети, т. к. исследуем образы поколения Tik Tok. В-четвёртых, политическое восприятие – это восприятие на уровне массового сознания, следовательно, на него влияют ценности, стереотипы, установки, присущие массовому сознанию [4, с. 12].

**Образ «типичного» политического лидера**

Образ типичного политика не является неким плоским образом в сознании старшеклассников, он соединяет в себе как негативные, так и позитивные черты (табл. 4). Старшеклассники солидарны в том, что типичный политик умный и образованный человек, обладающий несомненными ораторскими способностями. Ученики 10 класса весьма позитивно оценивают «типичного» политика и в отличие от 11 класса, в его образе выделяются только три

негативных характеристики – безответственный, жадный, ненадёжный. Остальные 17 общих характеристик носят либо нейтральный (человек, гражданин), либо положительный характер (рассудительный, коммуникабельный).

Нужно заметить, что в словаре используются только полные совпадения, поэтому такие определения, как «всё через знакомых», «всё только для себя», являющиеся частью речевых штампов, и активно используемых учащимися 11 класса, для определения коррупции, здесь не представлены.

Таблица 4

**Образы «типичного» политического лидера**

№ по пор.	10 класс	%	11 класс	%
1	<b>Умный</b>	60	Коррупционер	86
2	Богатый	46	Болтун	53
3	Человек	46	<b>Хитрый</b>	53
4	<b>В костюме</b>	46	Лицемер	46
5	Гражданин	33	Лидер	40
6	Безответственный	26	<b>Оратор</b>	40
7	<b>Жадный</b>	26	<b>В костюме</b>	33
8	Рассудительный	26	<b>Жадный</b>	33
9	Справедливый	26	Лживый	33
10	Странный	26	Властный	26
11	Упрямый	26	Патриот	26
12	Коммуникабельный	23	Популист	26
13	Лысый	23	<b>Умный</b>	26
14	Ненадёжный	23	Циничны	26
15	<b>Образованный</b>	23	Эгоист	26
16	Опытный	23	Амбициозный	26
17	<b>Оратор</b>	23	Влиятельный	20
18	Ответственный	23	Мало делает	20
19	Харизматичный	23	<b>Образованный</b>	20
20	<b>Хитрый</b>	23	Старый	20
21			Требовательны	20
22			Целеустремлённый	20

*Жирным шрифтом выделены дословные совпадения в категориях.*

В итоге мы видим, что «типичный» политик отражается в сознании старшеклассников как умный, образованный, хитрый, жадный человек в костюме. Из полярных суждений уживаются безответственный и ответственный; оратор и болтун; патриот и популист.

Многомерность и неоднозначность образа «типичного» политического лидера, часто полярность его характеристик свидетельствует о сложной политической картине старшеклассников, «типичный» политический лидер –

сложная фигура, объединяющая как образы реальных политиков, так и оценочные суждения детей о власти вообще и власти здесь и сейчас, детерминруемые реальными политическими процессам и их отражением в сознании детей.

Коррупционные скандалы во всех эшелонах власти, неизбежно формируют образ политика – коррупционера, который становится составной частью образа «типичного» политика. Но при этом образ «типичного» политического лидера не носит исключительно негативные коннотации. Мы видим волевые характеристик – упрямый, целеустремлённый требовательный. Такие характеристики как циничный, властный, хитрый для «просто» человека, скорее негативные, но, когда мы говорим о политическом лидере, сложно однозначно их оценить. «...И так, из всех зверей пусть государь уподобиться двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание» [1].

Анализируя образ политического лидера, мы должны учитывать, что политический образ – это и отражение реальных характеристик объекта восприятия, и проекция ожиданий субъекта восприятия. В образе политической власти, (а лидер – это человек, обладающий властью и авторитетом), отражаются знания, представления, оценки массового сознания.

### **Образ «плохого» политического лидера**

В образе «плохого» политического лидера (табл. 5) собраны все стереотипы о «плохом» – начиная с вредных привычек, нецензурных выражений и заканчивая традиционным речевым штампом «не слушает» народ. При этом у учащихся 11 класса дословных совпадений больше, чем у десятиклассников, говорит о большей проработанности образа «плохого» политика.

В образе «плохого» политика интеллектуальные качества приобретают отрицательную модальность. Если «типичный» политик, безусловно, умён и образован, то плохой не просто глуп, необразован, но и тупой. Образ «плохого» политического лидера насыщен эмоциональными, экспрессивными формулировками. Важным фактом формирования образа «плохого» политика является стереотипизация. Отсюда характеристики «плохого вообще» – злой, старый, жадный. Такой архетип Кошья Бессмертного. Конечно, «плохой» политический лидер – обязательно коррупционер, особенно для учеников 11 класса. Именно эту характеристику написали – 80% детей.

Независимо от возраста и пола «плохой» политический лидер – коррупционер, эгоист, глупый, жадный, ленивый, лицемерный, хитрый, лживый, вор.

Таблица 5

**Образ «плохого» политических лидера**

№ по пор.	10 класс	%	11 класс	%
1	Злой	60	<b>Коррупционер</b>	80
2	<b>Эгоист</b>	53	<b>Лицемер</b>	60
3	<b>Глупый</b>	46	Болтун	60
4	Старый	46	<b>Безответственный</b>	46
5	<b>Безответственный</b>	40	Эгоист	46
6	Ленивый	40	<b>Глупый</b>	40
7	<b>Жадный</b>	33	<b>Жадный</b>	33
8	<b>Лживый</b>	33	Вор	26
9	<b>Лицемерный</b>	33	Тиран, диктатор	26
10	Невежественный	26	Не образован	26
11	<b>Коррупционер</b>	26	Ленивый	26
12	Гордый	26	Матерится	26
13	Вор	26	Необразованный	26
14	Агрессивный	20	Слабый	26
15	Алкоголик	20	Тупой	26
16	Вспыльчивый	20	<b>Хитрый</b>	26
17	Грубый	20	Циничный	26
18	Грязный	20	<b>Лживый</b>	26
19	Наркоман	20	Предатель	20
20	<b>Хитрый</b>	20	Артист	20
21			Не профессионал	20
22			Не компетентный	20
23			Не слушает народ	20
24			Не уважает чужое мнение	20
25			Подмазывается	20

*Жирным шрифтом выделены дословные совпадения в категориях.*

В образе «плохого» политического лидера у детей 11 класс появляются деятельностные и социальные характеристики, в которых они используют предлог «не». Они разнообразны, поэтому и не все не дают словесные совпадения, но без их указания содержание образа будет не полным. «Плохой» – он потому плохой, что много чего не делает или делает это крайне плохо. Всего таких характеристик 45, их дал каждый ребенок. В основном они говорят о том, что «плохой» политик не слушает и не уважает народ – так думают 73% одиннадцатиклассников, либо он некомпетентен и не опытен, плохой аналитик и стратег. При этом плохой аналитик и стратег – это ещё и интеллектуальные характеристики. У одиннадцатиклассников появляется ещё и образ тирана, диктатора, навеянный видимо изучением истории XX века.

Образ «плохого» политика, несомненно, сильно клиширован. В нём собраны стереотипы представлений о власти, которые сложились не только на основе контекста современных событий, но и на основе национальной политической культуры, архетипов массового сознания. Знаменитая формула В. И. Ленина «как далеки они были от народа» зафиксировалась именно как недостаток с одной стороны и ожидание «народного» политика – с другой.

Элементы образа «плохого» политического лидера мы видим, в образе «типичного» политического лидера. И тот и другой – хитрый, жадный, безответственный болтун и коррупционер. Но важно, что «плохой» лидер ещё и не образован, глуп и далёк от народа. А «типичный», несмотря на все его недостатки – умный, образованный, патриот.

Таким образом, центральным качеством «плохого» политического лидера является коррупция, но в отличие от «типичного» политика здесь дети используют ещё такие определения как вор. «Плохому» политическому лидеру дети отказывают в уме и прямо говорят, что он глуп и необразован. Интеллектуальные характеристики в образе политического лидера становятся значимыми. Дети начинают использовать разнообразные характеристики, не просто глуп или необразован, но и не компетентен, не профессионал, не стратег.

## Образ «идеального» политического лидера

Образ «идеального» политического лидера в сознании старшеклассников получился весьма разнообразным и наполнен, кроме конвенциональных характеристик (умный, честный, патриот) еще волевыми и интеллектуальными характеристиками (табл. 6).

Если учитывать, что политический образ – это, кроме всего прочего, проекция ожидания субъекта восприятия, то в образе «идеального» политика мы видим очень чёткий запрос на честность и порядочность. В «идеальном» политике дети видят не только лидерские волевые качества (чего не было ни в «типичном», ни в «плохом»), от идеального политика ожидают человеческих проявлений – доброты, отзывчивости, открытости, справедливости.

Таблица 6

Образ «идеального» политических лидера

№ по пор.	10 класс	%	11 класс	%
1	<b>Умный</b>	73	<b>Ответственный</b>	66
2	<b>Честный</b>	60	<b>Честный</b>	66
3	<b>Ответственный</b>	53	<b>Патриот</b>	60
4	<b>Целеустремлённый</b>	40	Лидер	53
5	Народный	33	<b>Образованный</b>	53
6	Серьёзный	33	<b>Умный</b>	53
7	Средних лет (нестарый)	26	<b>Оратор</b>	33
8	Решительный	26	Не коррупционер	33
9	<b>Образованный</b>	26	Профессионал	26
10	Опытный	26	<b>Целеустремлённый</b>	26
11	<b>Оратор</b>	26	Не ворует	26
12	Справедливый	26	Влиятельный	20
13	<b>Патриот</b>	26	Компромиссный	20
14	Порядочный	26	Отзывчивый	20
15	Рассудительный	26	Открытый	20
16	Щедрый	26	Мудрый	20
17	Красивый	20	Уважает людей	20
18	Мужественный	20		
19	Смелый	20		
20	Добрый	20		
21	Компетентный	20		
22	Креативный	20		
23	Хороший	20		
24	Энергичный	20		
25	Гражданин РФ	20		

*Жирным шрифтом выделены дословные совпадения в категориях.*

У десятиклассников, больше, чем у одиннадцатиклассников именно волевых характеристик. Их «идеальный» политик решительный, энергичный, настойчивый, мужественный и даже храбрый. «Воля и разум» как поётся в одной песне – вот идеал политика для учащихся 10 класса.

Учащиеся 11 класса ценят интеллектуальные качества – «идеальный» политический лидер умный, разносторонний, образованный, мудрый. Всего мы видим 32 интеллектуальные характеристики. Для юношей 11 класса важна его неподкупность и борьба с коррупцией. В образе «плохого» лидера одиннадцатиклассники выделяют его нежелание «слушать народ», его оторванность от народа, «идеальный», напротив – близок к народу, слушает народ и заботиться о нём. Мы видим 20 таких характеристик.

Дети 10 класса «плохого» политика отражали, как старого, то «идеальный» – это политик средних лет.

В описании образа «типичного» политика дети иногда используют метафоры, эти метафоры в большинстве своём носят негативную коннотацию – «вечный именинник», «год был тяжёлый». Среди нейтральных метафор – «документы», «законы».

Если сравнить содержание образов «типичного» и «идеального» политика, то оба они образованные и умные люди, но «типичный» политик коррупционер, который больше думает о собственной выгоде, чем о народе.

### **Психогеометрическая типология образов политических лидеров в сознании старшеклассников**

Процедура проведения обследования по методичке СОЧ(и) предполагает сразу же после выполнения «20 высказываний», т. е. после вербального изложения своих представлений о предлагаемых образах приступить к выполнению задания «геометрические портреты того, кого только что описали».

В выборе психогеометрической формы политика и 10, и 11 класс сходятся в том, что «идеальный» политик менее всего зигзаг. В 10 классе только 1 ученик выбрал эту фигуру для идеального политика, в 11 классе – ни одного (табл. 7, 8).

Таблица 7

**Выбор психогеометрической формы «типичного», «плохого»  
и идеального политика учащимися 10 класса**

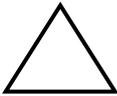
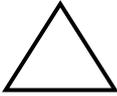
Носители образа						Всего человек
«типичный» политик	13,33%	33,33%	6,6%	26,66%	20%	15
«плохой» политик	13,33%	26,66%	6,6%	6,6%	46,6	15
«идеальный» политик	60%	13,33%;	20%	-	6,66	15

Таблица 8

**Выбор психогеометрической формы «типичного», «плохого»  
и идеального политика учащимися 11 класса**

Носители образа						Всего человек
«типичный» политик	33,33%	40%	6,66%	13,33%	6,66%	15
«плохой» политик	-	26,66%	-	-	73,33%	15
«идеальный» политик	33,33%	40%	13,33%	13,33%	-	15

Одновременно зигзаг для большинства учащихся является фигурой «плохого» политика.

Если обратиться к интерпретационной части психогеометрического теста, то зигзаг самая креативная и эмоциональная фигура. Зигзаг – восторженный и возбудимый, несдержанный и экспрессивный, фонтанирует идеями. Предпочитает работать в одиночку, не придает значение своему внешнему виду. Действительно, в характеристиках плохого политика, кроме традиционного «коррупционер и вор», дети пишут – не слышит чужого мнения, не слушает народ. Высказываясь о внешнем виде «плохого» политика – они отмечают, что он не в костюме. В психогеометрическом тесте именно зигзаг будет последней фигурой «идеального» политика для большинства детей.

Типичный политик для большинства респондентов – квадрат. В интерпретационной части теста квадраты – отличные исполнители, умеющие

действовать по инструкции, но для принятия решений и действия в непредвиденной ситуации – квадрат не самая подходящая фигура. Действительно в характеристиках «типичного» политика дети не отмечают волевых качеств, того, что позволяет принимать решения и быть ответственными за них.

Если посмотреть на корреляцию, чётко видна обратная пропорциональность между образом «плохого» и «идеального» политика (табл. 9).

Таблица 9

**Матрица корреляции Спирмена между образами «типичного», «плохого» и «идеального» политика у учеников 10 класса**

<b>10 класс</b>			
	«типичный» политик	«плохой» политик	«идеальный» политик
«типичный» политик	1	0,251	0,086
«плохой» политик	0,251	1	0,739
«идеальный» политик	0,86	-0,739	1
<b>11 класс</b>			
«типичный» политик	1.000	0,321	-0,371
«плохой» политик	0,321	1.000	-0,914
«идеальный» политик	-0,371	-0,914	1.000

Проанализировав результаты психометрического теста, можно сделать следующие выводы:

1. Наблюдается обратно пропорциональная связь между образами «плохого» и «идеального» политика.

2. Наиболее выбираемая фигура для «плохого» политика – зигзаг во всех категориях. Для «идеального» политика – круг (10 класс) и квадрат (11 класс).

3. Вербальные и невербальные образы «плохого» и «идеального» политиков жестко противопоставлены.

Подводя итоги исследования, автор пришёл к следующим заключениям.

Образы политических лидеров складываются как на основе реальной политической ситуации, которая определяет «типичные» характеристики и ожидания, так и включают в себя стереотипы массового сознания.

В образе политического лидера соединяются как стабильно существующие, так и ситуативные компоненты. Поэтому образ политического лидера нельзя назвать окончательно сформированным.

Образ политического лидера когнитивно сложный и богатый. Характеристики политического лидера эмоционально наполнены.

Вербальные и невербальные образы «плохого» и «идеального» политиков жестко противопоставлены.

В содержательной части анкет нет ни одной характеристики женщины – политика. Все определения мужского рода, либо подростки прямо указывают на пол – мужчина, женатый, холостой.

С точки зрения практической значимости результаты анализа образа политического лидера в сознании старшеклассников могут быть применены при разработке и корректировке программ гражданско-патриотического воспитания, электорального и политического просвещения обучающихся старших классов.

Кроме того, результаты исследования могут представлять практический интерес для специалистов, занимающихся изучением молодежных политических установок, а также быть использованы в дальнейших научных и прикладных исследованиях в области политической психологии и социологии молодежи.

Мы можем увидеть часть политической картины мира старшеклассников, важной составляющей которой является проблема власти, персонифицированная в образе политического лидера. Политическое сознание, являясь неотъемлемой частью политической культуры личности будет влиять в дальнейшем на политическое поведение. Соответственно важно понимать, как видят образы власти старше школьники, какие запросы в отношении власти существуют, как они оценивают власть.

#### **Литература**

1. Макиавелли Н. Государь [Электронный ресурс] // Социология власти. – 2008. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudar-1> (дата обращения: 11.11.2026).
2. Селезнева А.В. Политические ценности и образы власти в сознании разных поколений россиян // Образы государств, наций и лидеров. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 42-50.
3. Ситников В.Л. Образ ребёнка в сознании детей и взрослых. – СПб.: Химиздат, 2001. – 288 с.

4. Шестопап Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 8-25.
5. Собакин В.С., Мнацакян М.А. Отношение к политическим лидерам современных старшеклассников (по материалам психосемантического исследования) // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 41-59.
6. Шестопап Е.Б. Образы государств, наций и лидеров. Аспект Пресс, 2008. – 288 с.
7. Шестопап Е.Б. Политическая психология: Хрестоматия – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 448 с.

Подписано в печать 02.02.2026. Гарнитура Times New Roman.  
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 4,88. Тираж 500 экз. Заказ № 10  
ООО «ЭПИЦЕНТР»  
308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40  
ООО «АПНИ», 308023, г. Белгород, пр-кт Богдана Хмельницкого, 135